

Крис Кэмпбелл

КРАМБЛРОУ

Крис Кэмбелл

Крамблроу

«Автор»

2023

Кэмбелл К.

Крамблроу / К. Кэмбелл — «Автор», 2023

Перед вами магический роман о жизни, приключениях, дружбе и силе любви, пропитанный волшебством, которое можно встретить и в обычной жизни. Крамблроу — это удивительное место, надежно скрытое от человеческих глаз поселение волшебников. Попасть в него суждено не каждому! В наше время на кострах уже не сжигают, но и без этого им живется непросто. Особенно когда кто-то из них влюбляется. Хотите увидеть волшебный мир изнутри? Заглянуть в прошлое глазами свидетеля событий? Узнать, кто же такой таинственный Флориан Фар, жаждущий изменить свою жизнь чужими руками. Ведь возможность исправить свои ошибки звучит пугающе-заманчиво? Определить где правда, где обман и кому можно верить? Главному герою романа — талантливому молодому архитектору Дэниелу Гилберту, попавшему в поселение по роковому стечению обстоятельств во время восхождения в Австрийские Альпы, придется разобраться во всем самому, а вместе с ним и читателю.

© Кэмбелл К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	35
Глава 11	37
Глава 12	40
Глава 13	43
Глава 14	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Крис Кэмпбелл Крамблроу

Пролог

Между холодных серых скал, поросших жестким мхом, где тишину сосновых лесов нарушают только шаги осторожных животных и течение ледяных ручьев, вырос темный замок. Его нет на карте, к нему не идут туристические тропы, его как будто вообще не существует, но стоит только лучам заката окрасить кровавыми красками древние стены, как в маленьком окошке главной башни зажигается огонек, знаменуя начало нового вечера. Если по року судьбы вы оказались ночью в этих негостеприимных скалах, не идите на свет, не ищите в нем надежды на спасение, уходите в темноту леса, бегите прочь, не ждите встречи с хозяином! Вы бы никогда не узнали о нем, если б не эта история, история удивительного путешествия, навсегда изменившего мою жизнь...

Глава 1

Я сидел за широким письменным столом, с интересом рассматривая свой новый рабочий кабинет. Он представлял собой просторную светлую комнату, где одну стену от потолка до пола полностью занимало внушительного размера панорамное окно, откуда открывался великолепный вид на город. В прошлую пятницу, забрав свои вещи и попрощавшись с натянуто улыбающимися коллегами, якобы радующимися моему повышению, я поднялся на новую ступень карьерной лестницы. Последнее время любимая работа превращалась в ежедневную рутину, отбивая всякое желание проявлять инициативу. В особенности в те моменты, когда надменный календарь напоминал о неумолимо приближающихся сроках сдачи заказов, рабочее время затягивалось до позднего вечера, а бумаги и ватманы возвышались над столом, будто неприступная крепость. Тем не менее моя рука уверенно держала карандаш, словно это была волшебная палочка, способная справиться со всеми поставленными перед ней задачами, что, к удивлению, не осталось незамеченным моим начальством.

Я подошел к стеклянной стене, пробежался глазами по фасадам старинных зданий, проезжающим машинам, вечно спешащим пешеходам, затем медленно перевел взгляд на свое отражение: синие внимательные глаза, прямой нос, густые каштановые волосы и отменный темный костюм, выбранный в магазине, в котором мне прежде никогда не приходилось бывать. В нашей работе удача больше благоволит людям в джинсах и в рубашках с закатанными рукавами, чем белым воротничкам. Но теперь моей главной задачей станет продвижение новых архитектурных идей, стилей и концепций. Я должен мотивировать и вдохновлять своих подчиненных на достижение поставленных целей. И мне не терпелось приступить к выполнению своих обязанностей.

Помимо повышения, меня ждал двухнедельный отпуск. Два года я готовился к нему физически и морально. И чем быстрее он приближался, тем отчетливее ощущалось каждой клеточкой тела, что он мне крайне необходим – для очистки мозгов и подготовки к новому этапу. Да и кто говорил, что горы не могут помочь в работе архитектора?

Наступил обеденный перерыв. Открытые на компьютере вкладки с описанием Австрийских Альп выглядели на фоне уютного кабинета не так уж дружелюбно. В воздухе витал аромат свежесваренного кофе, который я не очень любил, но в какой-то момент он стал символом перерыва, моей маленькой слабостью и неким вознаграждением за работу.

В комнату вошла моя секретарша. Теперь Джен – моя секретарша, – еще долго придется к этому привыкать. Отношений у нас никогда не было, но я, как и все парни моего отдела, не упускал случая полюбоваться ее женственной фигурой... Отлично, теперь у меня появилась возможность рассмотреть ее лицо. Раньше между коллегами ходили слухи, что она спит со своим старым начальником. «Господи, что они решат теперь?..» – хотелось закатить глаза, но я просто провел рукой по волосам.

– Мистер Гилберт, только что получила чертежи усадьбы, которую вы обсуждали с мистром Тевро. Он прислал электронный проект. Все на вашей рабочей почте. Да, и внизу вас ждет молодой человек. Он представился как Мэтт.

– Отлично, Джен, иди на обед.

– Да, мистер Гилберт, – как официально, хорошо, что она не называет меня «хозяин»...

Мэтт – мой товарищ по несчастью. Дело в том, что хотели мы того или нет, родители лишили нас возможности выбрать себе профессию, обязав идти по своим стопам и продолжить семейное дело. Как и его отец, он поступил в медицинский университет, выучился на хирурга и однажды стал весьма известным и признанным специалистом.

Я спустился в фойе офисного здания. Мэтт, как обычно, находился у автомата с едой.

– Зачем? Мы же идем обедать!

– Эй, Дэниел, шоколадный батончик в сумке никому не повредит, – ухмыльнулся Мэтт. Мы обменялись рукопожатием и вышли на оживленную улицу Вены. В течение всей прошлой недели шли дожди, и в городе установилась приятная прохладная погода.

Любите ли вы Вену, как люблю ее я? Где бы ни приходилось мне жить – в Италии на вилле у родителей или в Англии в институтские годы, – везде не хватало этой монументальной красоты, которая вызывала особенное чувство трепетного благоговения, отчего у меня на душе становилось хорошо и спокойно.

Мы шли по Рингштрассе, мимо проезжали трамваи, яркие туристические автобусы, некоторые горожане пробегали мимо, другие, как и мы, не спеша наслаждались свободным временем обеденного перерыва.

– Дэниел, у тебя каждый раз, когда мы выходим на улицу, такое лицо, как будто ты в этом городе впервые... Пора влюбиться не в город, а в женщину.

– Не всем везет, как тебе... Вряд ли мне посчастливится найти свою Лизи...

– Ты просто погряз в этом камне! У тебя в голове сплошные чертежи, своды, витражи, перекрытия. И представить сложно, что ты раньше противился, изводил отца намерениями не продолжать род архитекторов. Ты обнес себя крепостной стеной, и ни одной девушке ее не преодолеть.

– Кто бы говорил о несогласии с отцом... – я скривился, но спорить с ним не стал.

Прошлым летом мы гуляли на его свадьбе. Все было организовано в лучшем виде. Мои родители, любившие Мэтта как родного, предложили провести церемонию в Тоскане, где они жили последние пять лет. Как только я окончил архитектурный факультет и устроился на работу, отец со спокойной душой уехал вместе с матерью в Италию. Они нашли в долине Вальд'Орча старую виллу с оливковым садом и как следует отреставрировали ее.

На свадьбе все гости сидели за большим деревянным столом, искусно сервированным и накрытым изысканными, но в то же время простыми итальянскими блюдами. Между кипарисами висели тонкие гирлянды с маленькими огоньками, сияющими тепло-желтым светом. Они, словно светлячки, ютились в листьях и с наступлением темноты наполнили атмосферу волшебством. Играла приятная мелодичная музыка, на импровизированном танцполе кружились пары, а в его центре медленно вальсировали молодожены: счастливый Мэтт и его новоиспеченная красавица-жена Элизабет. Кремовый цвет кружевного свадебного платья выгодно подчеркивал ее ангельские черты: яркие голубые глаза, легкий румянец, ослепительную улыбку, светлые локоны. В этот вечер все взгляды были прикованы только к ней одной.

Я сидел в кресле под оливковым деревом, покачивая в руках бокал вина «Брунелло ди Монтальчино», и наслаждался теплым вечером и счастливым выражением лица друга. Ко мне подошла мама, ее выразительные глаза светились от восторга. Казалось, сегодня все были чуть-чуть окрыленными. Несколько месяцев она занималась организацией этого чудесного торжества, уделяя внимание мельчайшим деталям.

– Мой дорогой, надеюсь, скоро мы и твою свадьбу проведем в этом месте. Здесь так волшебно. Разве тебе не хочется побыть здесь подольше? Город оставляет серый отпечаток на твоём лице.

– И не надейся, мама! Чтобы жениться, мне как минимум нужно найти девушку, и не просто найти, а понять, что она та самая. После истории с Софией я уже ни в чем не уверен... Потерялась вся моя былая легкость...

– Выкинь ее из головы! Да, она обошлась с тобой некрасиво, но это не повод ставить крест на своей личной жизни, ты еще так молод, тридцать лет – это самое начало. Ты многого достиг и уже понимаешь, что тебе действительно нужно. Посмотри, сколько симпатичных девушек на этом вечере. Погружаясь в уныние, ты все пропустишь.

– ...Дэниел, Дэниел! – Мэтт помахал перед моим лицом рукой: – Ты меня слышишь? Еще раз спрашиваю, где мы будем обедать? Предлагаю зайти в наше любимое кафе.

Я непонимающе огляделся, с трудом возвращаясь из своих воспоминаний. Мы стояли у входа одного из немногих сохранившихся на Рингштрассе заведений, открытого в далеком 1903 году и до сегодняшних дней предлагающего все, что захочет любой избалованный посетитель – изысканные блюда венской кухни, свежую выпечку и разнообразные сорта кофе.

– Давай, – без энтузиазма согласился я.

– Да что с тобой сегодня? Ты же на новой должности! В чем дело? – не унимался Мэтт.

– Смогу настроиться только после отпуска, уж слишком все навалилось.

– Странно слышать это от человека, который так любит свою работу! Хотя, может, и правда тебе пора в отпуск. Когда ты последний раз отдыхал? За последние два года ты брал одну неделю, чтобы побывать на нашей свадьбе в Тоскане.

– Только что о ней вспоминал. Очень рад за тебя, друг...

Мэтт понял, что я хочу закрыть эту тему.

Мы заказали бизнес-ланч и две большие кружки горячего кофе. Официантка приняла заказ, смущенно поглядывая на моего друга. Он всегда так действовал на девушек. Они не оставались равнодушными к правильным чертам его лица, светлым волосам и мелкой россыпи веснушек. На меня тоже обращали внимание, но моя холодная интеллигентность, как однажды выразилась моя однокурсница, немного отпугивает.

– Итак, горы...

– Не просто, Мэтт, горы, а Австрийские Альпы.

– Тебя не смущают слова «неприступные» и «опасные»?

– Я два года готовился к этому путешествию, каждые выходные проводил в альпинистском клубе, стирая пальцы и колени на скалодроме. Теперь знаю точно, что готов ехать. В нашей группе пять человек, а ведет нас сам Джек Когрович.

– Это что, тот болгарский сумасшедший, который ночует в горах и ест мох?

– Мэтт, прекрати! Он опытный альпинист, у него за плечами немало покоренных вершин! Чего стоит восхождение на Чогори, одну из самых сложных гор в мире. Кому довериться, если не такому профессионалу? – я достал смартфон из внутреннего кармана пиджака, чтобы показать Мэтту статьи о Джеке и о предстоящем маршруте.

«Восточные Альпы – это горные хребты с острыми выступами на скалах, глубокие зеленые долины, многочисленные чистейшие озера и стремительные реки. Севернее располагаются негостеприимные горные районы с крутыми обрывами и сложными подъемами: адские Хеллен-Гебирге и гиблые Тотес-Гебирге», – читал Мэтт в интернете, не отрываясь от обеда.

– Где вы договорились встретиться?

– Собираемся на окраине Гальштата рано утром, чтобы особо не толкаться с туристами. Там нас будет ждать Когрович. Доберемся до подножия горы и оттуда отправимся по маршруту.

– Ты знаешь остальных четверых? – не успокаивался Мэтт.

Его скептицизм начинал действовать мне на нервы. Спустя полчаса я и сам начал сомневаться, смогу ли осилить этот поход.

Глава 2

Субботнее утро вопреки всем надеждам на продолжительный и крепкий сон началось с раннего звонка из офиса. Мой коллега Йозеф сообщил о подтверждении проекта реставрационных работ во дворце Шёнбрунн и предупредил, что завезет после обеда бумаги на подпись, и заодно закинет горную палатку, которой обещал меня снабдить почти как год.

Растянувшись на большой кровати, я не мог поверить, что наконец-то начался мой отпуск и наступил последний день перед долгожданным восхождением. В комнате царил беспорядок. Походные вещи были разбросаны по всей комнате. К счастью, самые важные уже были собраны в рюкзак, что не могло не радовать. В противоположном углу комнаты на черном паркете сидел мой пес, французский бульдог Джерри, прижавший одной лапой трекинговую палку. Он смотрел на меня исподлобья, предчувствуя скорое расставание. Я усмехнулся над его недовольным и обиженным выражением морды, мне стоило учесть, что его привязанность ко мне рано или поздно ослабеет.

С Джерри мы виделись только поздно вечером и по выходным дням – так сказать, легкие отношения без обязательств. Я пропадал на работе, а он проводил время вместе с семьей соседа. Поэтому в какой-то момент я начал даже сомневаться, считает ли он до сих пор меня своим хозяином...

Я вылез из кровати и подошел к окну. Солнце поднялось уже высоко, день обещал быть безоблачным и теплым. Джерри подбежал ко мне, встал на задние лапы и, поскуливая, попросился на подоконник – его любимое место в доме. Он всегда с любопытством наблюдал за жизнью города. Окна квартиры выходили на знаменитый блошинный рынок Нашмаркт. В субботнее утро здесь было особенно многолюдно, туристы и местные жители копались в горах антиквариата и неумоимо торговались с продавцами. Раньше, когда я жил с родителями, мне нравилось наблюдать, как мама бродит между этих развалов. Она иногда находила меня глазами, поднимала над головой и показывала различные вещи, требуя моего одобрения или протеста. Чудом ей удавалось не захламлять квартиру – в ней оставались только ценные экземпляры, остальные же расходились по частным коллекциям ее знакомых. Одним из таких особенных приобретений стало огромное зеркало в старинной деревянной резной раме, сделанное так искусно, что оценщик долго предлагал за него баснословные деньги. Сейчас оно висело в спальне напротив кровати, отражая холостяцкую комнату. Раньше перед ним крутилась София, примеряя свои многочисленные наряды. Она отбрасывала с лица непослушные рыжие волосы и смеялась, если видела, что за ней наблюдают. А иногда оставляла милые послания красной помадой, за что получала выговоры от моей матери. Мне тоже это не нравилось, так как я был большим ценителем старины, но ценителем этой женщины я был тоже...

Я долго терпел все слабости Софии, выгораживал ее перед родителями, друзьями и перед самим собой. И что получал взамен? Скандалы, обсуждения моих друзей, моих увлечений и работы. Это продолжалось три года – падения и взлеты, ссоры и периоды безумной страстной влюбленности, – до того момента, пока однажды я не пришел с работы и увидел собранные чемоданы, стоящие у двери. Она вышла мне навстречу с каким-то странным и решительным выражением на лице. Я выслушал очередную тираду о себе и невероятную историю про встречу с «тем самым», к кому она сегодня переезжает.

«Тем самым» оказался, как часто бывает в кинофильмах, мой близкий университетский друг, который последние полгода охотно взял на себя обязанность поддерживать Софию в бичевании меня и удовлетворении ее в постели. Я был раздавлен, хотел вернуть эту рыжую чертовку и простить ей все. Но тогда рядом оказались близкие люди, которые, к счастью, удержали меня от этого позора. София больше не появлялась... Лишь иногда ее имя всплывало

в разговорах, особенно тогда, когда приводились примеры, как не нужно себя вести и каких девушек «врагу не пожелаешь».

Я тряхнул головой, продолжая смотреть на себя в зеркало. После той истории я изрядно исхудал, так и не смог перестроиться на холостяцкую жизнь, все пустоты заполнил работой и завел собаку, чтоб хоть кто-то ждал меня дома. Как раз в то время познакомился с одним интересным парнем, который рассказал мне о своем хобби – путешествиях. Он сплавлялся на байдарках по горным рекам, взбирался на замерзшие водопады, в любое свободное время уезжал в горы и выглядел при этом очень счастливым. В тот момент мне хотелось зацепиться за что-то новое, и я начал заниматься в альпинистском клубе. Тренировки давались, мягко говоря, с трудом, все тело болело, пальцы тряслись, отказываясь чертить. Компьютер, конечно, спасал, но мне нравилось работать по старинке карандашом и линейкой, как учил отец. Но через несколько месяцев я втянулся, стал получать удовольствие от того, что начинаю контролировать свое тело и привел даже туда парочку знакомых. Благодаря тренировкам ушло больше десяти килограммов, тело стало жилистым и стройным. Ну и стресс, естественно, сказался... Вот вам побочный эффект больной любви.

Итак, оставалось двадцать четыре часа до выхода. Пришло время привести в порядок мысли и завершить сборы. Джерри вернулся к охране трекинговых палок, которые мне оказались не нужны, вместо них я положил в рюкзак ледорубы, походную одежду, средства личной гигиены, балаклаву для защиты лица от мороза и сильного ветра и многое другое, что закупал последние месяцы. Странно было брать с собой теплые вещи в конце лета, но Когрович обещал минусовые температуры на высоте и не пустил бы тех, кто ограничился шортами и солнечными очками.

Бегая по комнате, я больно ударился о приоткрытую дверцу комода, которая всегда заедала и опять не закрылась до конца. Схватившись за бок, я присел на край кровати, оказавшись напротив зеркала. Лишь на мгновение мне явилось пугающее зрелище – мое отражение, измененное до неузнаваемости, ужасно бледен, под глазами пролегли глубокие тени, волосы, как пакли, спадали на влажный лоб, тело сотрясалось судорожной дрожью, я дышал тяжело, прислонившись к мокрой каменной стене...

– О Господи! – только успел прошептать я, и видение пропало. Что за мистика! Наверно работа и подготовка к походу довели меня до безумия! Откинувшись на кровать, я закрыл лицо руками.

Почти в ту же секунду раздался звонок в дверь, что застигло врасплох и меня, и пса. Джерри разразился неистовым лаем, а я, пытаясь успокоить свое сильно бьющееся сердце, поплелся к двери. Это пришел Йозеф, одетый в хороший спортивный костюм и тяжелые трекинговые ботинки. Йозеф – один из тех туристов, которые заканчивают свой поход уже на кассе спортивного магазина. Он знал все о палатках, снаряжении и выживании, но тем не менее его ботинки не уходили дальше дорожек городского парка.

– Йозеф, Йозеф...

– Здравствуй, Дэниел, – широко улыбнулся коллега, протискиваясь в комнату вместе с палаткой.

Глава 3

Выезжать в Гальштат пришлось ночью. Мэтт, в обычное время на редкость ленивое существо, вызвался отвезти меня со всем обмундированием, что заставило убедиться в искренности его переживаний. Нас встретила абсолютно пустая дорога, только редкие встречные машины, ослепляющие дальним светом, напоминали, что мы не несемся по бесконечному черному туннелю. Несколько раз мне хотелось заговорить, но, бросая взгляд на друга, замечал напряжение на его лице. Так мы ехали в полной тишине, пока Мэтт не свернул с дороги. Я вздрогнул и открыл глаза, оказалось, мне удалось ненадолго задремать, прислонившись к боковому стеклу. В запотевшем окне показались размытые силуэты припаркованных машин.

– Эй, Мэтт, мы приехали?

– Расслабься! Пока только автозаправка, друг.

Мэтт заглушил двигатель и ушел оплачивать счет. Я тоже вышел из машины, чтобы освежиться и размять затекшие за время пути ноги.

Меня окутала прохладная ночная изморозь, изо рта шел пар. В этот момент я мысленно поблагодарил Йозефа за термобелье, которое он мне вручил вместе с палаткой как подарок в отпуск. Вдруг все тело проняла легкая дрожь, связанная не с холодом ночи, а с мыслью, что на самом деле я совершенно не подготовлен. «Может, все это зря? Позвонить проводнику и придумать оправдание?» – на секунду пролетело у меня в голове. Я окинул взглядом заправку – на углу магазина стояла парочка, не отлипавшая друг от друга. По иронии судьбы ими оказались рыжеволосая девушка и парень моего роста. Как будто призрак прошлого насмеялся надо мной и напоминал, от чего я на самом деле бегу в горы. Слева от них через стеклянную витрину магазина на меня уставился Мэтт, держа в руках два больших бумажных стаканчика.

– Дэниел, как насчет кофе? Впереди еще два часа дороги, – поинтересовался Мэтт, когда я зашел внутрь.

– Да, спасибо. Слушай, видел этих двоих на входе? Не нашел сходство забавным? – облокотившись на высокий столик, невесело усмехнулся я.

– Нет. Когда мы заехали, на парковке никого не было.

– Странно...

– А что?

– Забудь... Нам еще долго до города?

– Километров сто тридцать – и мы на месте.

Последнюю часть дороги мне не спалось. Отбило желание то обстоятельство, что, когда мы вышли, у магазина действительно никого не оказалось...

Хотя я не первый год жил в Австрии, это была моя первая поездка в Гальштат. Небольшой старинный городок, зажатый между Австрийскими Альпами и одноименным озером, находился вдали от большинства мегаполисов, но это не делало его менее популярным среди местных жителей и многочисленных туристов. Мне приходилось часто слышать рассказы коллег о проведенных там выходных, но из-за напряженного графика работы я так ни разу и не составил им компанию.

Выехав из туннеля, вырубленного в скалах, мы наконец-то подъехали к городу. Ночной мрак отступил, давая свободу утренним сумеркам.

Мощные улицы пустовали, немногочисленные жители спали. Мы медленно продвигались по единственной проезжей улице к лютеранской церкви с высоким тонким шпилем колокольни, где договорились встретиться со всеми членами команды.

– Дэниел, еще не поздно вернуться, пока тебя не увидел этот болгарский скалолаз, – Мэтт явно сделал акцент на последнем слове, закатывая глаза.

– Прекрати. Если уж я принял решение выбраться из зоны комфорта, то больше откладывать не намерен. Определенно, вернусь домой другим человеком. Чувствую, что принимаю правильное решение. Не знаю, как объяснить... Чую попутный ветер, – я определенно себя настраивал, но в конце фразы мое настроение и правда улучшилось.

– Чую-чую попутный ветерок, – паркуюсь, ерничал Мэтт.

– Ты остановился рядом с мусорными баками! Издеваешься?

Мэтт вскинул руки, изображая капитуляцию, и, видимо, решив больше не выводить меня, отъехал подальше. Мы вышли из машины.

Я окинул взглядом здание собора, разноцветные, словно игрушечные, домики и тихую рябь озера, в котором отражалось светлое небо с облаками и прекрасные горы, окружающие этот оторванный от цивилизации городок. Хотелось остановить момент и вдоволь налюбоваться тишиной утра и умиротворенностью этого прекрасного пейзажа.

В двухстах метрах от меня стояли четверо с рюкзаками внушительных размеров. Видимо, из всей группы мы добрались до города самые последние. Мэтт пожал мне руку, передал рюкзак и молча уехал. Я был рад, что он избавил меня от долгих напутствий – в конце концов, не навсегда же мы прощаемся.

Глава 4

Прошло около получаса, а наш проводник так и не появился. Мы скинули тяжелые рюкзаки под дерево возле собора и мирно шатались неподалеку от назначенного места встречи, осматривая окрестности. Наша команда состояла из пяти человек. Парочка, Мэри и Тим, сразу ушли к берегу кормить лебедей. Оба светловолосые, вначале показались мне братом и сестрой, но потом ласковые взгляды, которыми молодые люди обменивались, дали понять, что они явно не родственники. «Хорошо придумано, Тим, – подумал я, – сразу проверить девушку в экстремальных условиях... А может, кто-то из них подписался на это приключение ради другого... В любом случае будет интересно за ними понаблюдать».

Двое других были мужчинами. Один из них – Адам, коротко стриженный брюнет моего возраста, ведущий блог о питании и спорте, за эти полчаса успел всем рассказать, как ему казалось, вкратце, о том, как он похудел со ста килограмм и о своем ежедневном рационе. Теперь же он носился по округе, пытаясь заснять на мобильный телефон все, что видит.

«Интересно, а парень в курсе, что ему понадобится вторая рука в горах? Или он надеется быть онлайн постоянно? Стоит предупредить его заранее, что там не растет шпинат и нет интернета». Мне стало смешно.

Я встретился взглядом с Дэвидом, вторым из мужчин. Он сидел под деревом, насупившись, погруженный в свои мысли. А увидев мою улыбку, с радостью ответил на нее и тоже посмотрел в сторону блогера. Дэвид был старше меня лет на десять, небритый, крепкий и спортивный, имел за спиной несколько восхождений, сюда приехал взглянуть на копи и на суровые скалы, в которых, как свидетельствовало генеалогическое древо, трудились его предки. Сам много лет работал в сфере недвижимости, жил рядом с Веной и не ловил звезд с неба. Мне он сразу показался приятным человеком, но я решил составить свое мнение обо всех только в конце нашего похода. В итоге получалось, что каждый из моей группы искал себя или бежал от чего-то... Человек в мире с собой никогда не рискнет идти на опасное восхождение, а что и кого мы там найдем, покажет время... Теперь нам оставалось дожидаться нашего предводителя и отправиться навстречу приключениям.

Тут я услышал звон колокольчиков от открывающейся двери близлежащего кафе, и он перенес меня на четыре года назад на залитую солнцем площадь Стамбула.

В этот день стояла великолепная погода, голубизна безоблачного неба ослепляла. Я прогуливался по площади Султанахмет, находясь в особо приподнятом расположении духа. Прекрасный, шумный и сказочный Стамбул жил своей жизнью, гудели таксисты, в тени деревьев ютились местные, а на площади, как и я, передвигались туристы, спеша по максимуму насладиться величественным видом Айя-Софии и Голубой мечетью.

В кармане завибрировал телефон, пришло сообщение от Софии – она приземлилась в аэропорту. Живот тут же скрутило от волнения, и я был уверен, что оно отпечаталось на моих щеках. Предательский румянец не имел ничего общего с полуденным зноем. Подобное чувство, забытое со студенческих времен, – порхание бабочек в животе – я испытывал каждый раз, перед встречей с ней.

С начала наших отношений прошел ровно год, и я предложил Софии отпраздновать первую годовщину в этом волшебном месте. Перед поездкой мы не виделись две недели – она работала страховым агентом и часто уезжала в командировки.

Я решил немного пройтись и свернул с площади на тенистую улочку. Шел медленно, разглядывая витрины магазинчиков и кафе. Здесь оказалось значительно тише и прохладнее, чем в центре города. Гулял легкий ветерок, приятно проникающий сквозь одежду – белые брюки и голубую льняную рубашку с короткими рукавами. С собой в поездку я взял черный пленочный фотоаппарат, приобретенный около месяца назад на блошином рынке. Он увесистым грузом

висел на шее и после ремонта блестел, как новый. Я искренне надеялся, что он фотографирует так же хорошо, как и выглядит.

В конце переулка располагался колоритный старинный магазинчик. Его уличный прилавок ломился от изобилия турецких сладостей. Они словно драгоценные самоцветы, оставленные здесь самим Али-Бабой, сверкали всеми цветами радуги. Прямо за ним скрывался маленький проход, практически полностью заваленный стопками пыльных ковров, через которые я с трудом смог протиснуться. Внутри свободного места не было вовсе, удивительно, как такое невероятное разнообразие товаров удалось разместить под одной крышей – чемоданы, книги, лампы, кофейные турки, традиционные наряды и многое другое уходило под потолок, образуя замысловатые колонны и барханы.

В одном из тесных уголков магазина сидел продавец, я наткнулся на него случайно, он больше напоминал неподвижную куклу в турецких тапочках с загнутыми носами, чем живого человека. Внимательно посмотрев на меня своими ясными, несмотря на преклонный возраст, глазами, он указал рукой в центр комнаты, с гордостью представляя свой лучший товар. Им оказался высокий, узкий шкаф из темного дерева. Всю его поверхность покрывали искусные узоры тянущегося плюща, гармонично сплетающегося с кельтскими орнаментами. В верхней части изделия частично сохранились выцветшие лоскуты фиолетового бархата, по их состоянию уже невозможно было сказать, для чего они ранее служили. Скорее всего, они являлись остатками тяжелой ширмы, скрывающей от глаз необычный артефакт.

Честно, такое я видел впервые. Ни дверец, ни ручек, только два круглых отверстия разного диаметра. В большее из них были вставлены песочные часы с мелким сверкающим песком, но стекло от времени стало настолько мутным, что сияние едва пробивалось, второе же, темное и настораживающее, уходило глубоко внутрь. Я повернулся к продавцу с вопросительным выражением на лице. Он вытянул руку вперед, давая понять, что мне следует сделать. Подойдя ближе и рассмотрев внимательно загадочный объект, я последовал его примеру, очень надеясь, что это не какая-нибудь древняя разновидность турецкой гильотины, отрубавшей руку пойманному ворам. Отверстие оказалось довольно узким, но стенки, обитые бархатом, позволили руке продвигаться дальше. Пальцы с опаской ощупывали каждый пройденный сантиметр, но неожиданно туннель закончился, и кисть зависла в свободном пространстве шкафа. В ту же секунду кто-то изнутри крепко схватил меня. Я попытался выдернуть руку, но отверстие словно стало вдвое уже. Раздался щелчок, и часы перевернулись. Песок посыпался быстро, но внезапно замер, и теперь понять, льется он вниз или вверх, было невозможно. Сколько секунд это продолжалось и происходило ли на самом деле, я не смог бы ответить, но вдруг понял, что свободен.

Потирая запястье, я огляделся по сторонам, пытаюсь найти ответ в глазах старика, но его не оказалось на прежнем месте. Загадочный шкаф выглядел вполне обычно. Песок сыпался, как ему и было положено, без какой-либо мистики. Но что меня поразило, так это карточка, похожая на старую крапленую карту с необычным рисунком на рубашке в виде очертаний заснеженных горных вершин, оставшаяся в моей сжатой ладони. Сунув ее в задний карман брюк, я поспешил выбраться из этого места. На входе как ни в чем не бывало суетился продавец, отвешивая большой пакет сладостей таким же заблудившимся туристам. Хотелось спросить его о случившемся, но до конца не было уверенности, что все это мне не привиделось из-за стоящей в городе жары. «Мистика какая-то...» – подумалось мне. Взглянул на часы – пришло время возвращаться на площадь, чтобы встретиться с Софией.

Обратный путь занял гораздо меньше времени, но она все равно уже ждала меня там, под тенью небольшого дерева. Выглядела София безумно мило – блузка и юбка-карандаш, в руках большая рабочая папка, а волосы собраны в высокий хвост. Она улыбнулась, завидев меня, и в ее глазах заиграли веселые чертики.

– Разве джентльмену положено опаздывать на свидание? – спросила она и протянула пластиковый стаканчик свежавыжатого гранатового сока.

Мы чокнулись и выпили бодрящий напиток. После чего я наклонился и страстно поцеловал ее, приподнял над землей и закружил. Полуденный зной становился нестерпимым, поэтому мы напрямиком отправились в отель, чтобы отдохнуть и переждать жару.

Окна нашего номера выходили прямо на пролив, вечерняя прохлада начала проникать в комнату и тихо струилась, волнуя тонкую ткань штор. На город опускался замечательный летний вечер. Я вышел на маленький балкончик. Все преобразилось с приходом сумерек. В водной глади отражались огни города, проплывающих кораблей и яхт, в воздухе витал аромат сладостей и специй, а с высокого минарета доносился проникновенный голос муэдзина, призывающего к молитве.

– Дэниел, мы можем идти, – из комнаты донесся нежный голос Софии.

Я обернулся. Она была готова к нашему праздничному вечеру, улыбалась, кокетливо взмахивала ресницами и выглядела просто потрясающе – бело-жемчужное шелковое платье на тоненьких бретельках облегало ее прелестную фигуру, волосы ниспадали длинными локонами. До меня дошел цветочный аромат ее духов, возродив воспоминания о ее бархатной коже.

– Завидую сам себе! Как же мне повезло! Не перестаю повторять – ты просто красавица!

– Ты всегда такой галантный, что даже скучно.

– Поверь, София, сегодня нас ждет особенный вечер. Возьми свою кофту, накинешь на плечи. Не хочу, чтобы все испортило клацанье твоих зубов.

– Клац-клац, – передразнила София, но послушно взяла вязаный кардиган со спинки стула и направилась к выходу.

Я вышел на улицу, и, взяв девушку за руку, повел ее к набережной. Мы проходили мимо кафе и ресторанов, куда нас зазывали настойчивые официанты, казалось, несколько раз доносилось восторженное присвистывание мужчин. Не хотелось разбираться и портить вечер, поэтому, прижав Софию поближе к себе, быстро преодолел последний отрезок пути и вывел девушку к непослушной глади пролива. Шикарные белые яхты тихо покачивались на волнах. К одной из них мы подошли ближе.

– Предлагаю не спеша насладиться огнями вечернего Стамбула, поэтому приглашаю тебя поужинать на этой яхте. Сегодня она в нашем полном распоряжении... Познакомься! Это Мустафа, – представил я нашего капитана, как раз вышедшего на палубу. Он поприветствовал нас по-турецки и подал руку Софии, помогая ей подняться на борт.

Вечер обещал быть удивительным. Мы прошли на нос яхты. Там нас ждал ужин из морепродуктов и местных сладостей, шампанское охлаждалось в ведре, заполненном кубиками льда с замороженными бутонами роз. Моя спутница заняла удобное место на разноцветных подушках и жестом предложила присоединиться.

– Ну что, Дэниел, вижу, ты действительно подготовился. Поверь, я, правда, ценю все, что ты делаешь. Но это... – она взяла кубик льда с розой, – немного чересчур.

– А разве девушки не любят цветы в любых их проявлениях? – осторожно поинтересовался я, поправил воротник рубашки и неожиданно почувствовал себя как на экзамене. Раздался пенящийся хлопок, и первая бутылка шампанского была с легкостью откупорена.

– Произнесешь тост? – посмотрел я на Софию вопросительно и кончиками пальцев коснулся ее локона на плече.

– За замечательные выходные в пьяном Стамбуле! За наш сумасшедший первый год и за моего романтического мужчину! Чин-чин!

– Люблю тебя... Чин-чин!

София, как обычно, промолчала в ответ на мои проявления чувств, но все же придвинулась ближе и поцеловала. Я вытащил из кармана длинную бархатную коробочку и вложил в ее руку. Внутри поблескивала тоненькая золотая цепочка с подвеской из изумруда. Мы плыли

по водной глади великого Босфора, наслаждаясь видами дворцов и мечетей. Волосы развевал теплый вечерний бриз, драгоценный камень на шее подчеркивал зеленые глаза Софии. Меня наполняло ни с чем не сравнимое ощущение счастья и уверенности в том, что все непременно будет хорошо...

...Звук колокольчика затих, и я вернулся на площадь, где все мы ждали проводника. Он появился из дверей открывшегося кафе, на ходу беседуя с пожилым хозяином заведения, который вышел следом за ним. Старик посмеялся над словами Когровича, по-дружески похлопал его по плечу и, подойдя к уличной вывеске, уверенным почерком сменил название блюда дня. Когрович оглядел выстроившуюся перед ним группу, и на его смуглом лице заиграла ослепительная улыбка, по которой, видимо, мы будем ориентироваться в темноте. Такая мысль пришла мне в голову, хотя подобная шутка – скорее из репертуара Мэтта. Джек был высоким и спортивным, в его зеленых очках-хамелеонах отразилось уже успевшее встать солнце.

– Итак, ягнята, сегодня мы выдвигаемся на ваше первое пастбище. Все сомнения оставляем здесь, на площади, и уверенно идем к цели восхождения. Если кто струсил, лучше прямо сейчас возвращайтесь домой, чтобы потом мне и оставшимся ребятам не морочить голову.

Он ненадолго замолчал, обвел всех присутствующих пристальным взглядом, скорее всего, пытаясь понять, что за люди станут его командой на ближайшие десять дней. На моем лице Когрович задержался дольше, чем на других, хотя, может быть, мне так только показалось.

– Сейчас каждый получит свисток со светоотражателем и маячком на случай непредвиденных ситуаций. Мой друг из авиации предупреждает о переменной погоде. Подумывал оставить ледорубы, но, по всей видимости, стоит к нему прислушаться и пойти в полном обмундировании. Как человек с опытом, могу вам сказать одно – нет ничего хуже в походе, чем люди, которые находятся в плену своих мыслей и переживаний. Требую от вас максимального внимания к мелочам, к моим словам и друг к другу. И тогда наше путешествие пройдет слаженно и в благоприятной эмоциональной обстановке. На все остальное у вас есть я, – на последней фразе он громко захохотал и переглянулся со стариком, тот неодобрительно покачал головой.

Когрович, развернув карту маршрута, сделал какие-то пометки и объявил, что план на сегодня – осилить двадцать пять километров до первой стоянки, где мы должны остаться на ночлег.

– Если никто не будет ныть из-за натертых ног, мы дойдем до темноты и разобьем лагерь. Нас ждет два перепада высот, чтобы подняться на следующее плато хребта, так что выходим немедленно.

– Стойте, стойте! – закричал Адам. – Давайте сделаем памятное фото на фоне таверны!

Когрович на это пробормотал на болгарском, как мне показалось, что-то ругательное. Все выстроились у входа и с натянутыми улыбками вошли в историю его новомодного телефона. Затем, дружно закинув на плечи рюкзаки, растянулись цепочкой и начали наши первые шаги к восхождению.

Глава 5

Первый час почти все двигались молча, наслаждались теплым солнцем, открывающимися прекрасными видами, свежим опьяняющим воздухом и ароматом почти отцветших луговых трав. Походные рюкзаки сильно не отягощали и оказались вполне подъемными. Поскольку нас ждало восхождение в горы, многие вещи использовались облегченные, посуда, снаряжение, палатки и даже провизия – высушенные сублиматы для альпинистов – была специальная. Только для перекусов Когрович разрешил взять что-то более съедобное, но забрал в свой рюкзак, дабы не провоцировать жевания на ходу. Наша светловолосая парочка поравнялась и уже минут двадцать активно что-то обсуждала, то ли ругались, то ли хотели до чего-то договориться. Девушка несколько раз пыталась придержать парня за локоть, но тот не послушал ее и, отстав на несколько метров, подошел ко мне.

– Дэниел, так? – с очень странной ухмылкой произнес Тим. – Дэниел Гилберт?

– Все верно, а в чем дело?

– Мы вроде как встречались раньше. Мэри отговаривала подходить, но мы же команда, все дела... Вверх-вниз, скалолазы... – при этом он опять странно захихикал и закатил глаза.

«Лучше бы он не подходил. Мне он казался вполне сносным парнем, пока не открыл рот», – подумал я, но промолчал.

– Вы со своей фирмой готовили проект реставрации центральных улиц с сохранением фасадов зданий в их первоизданном виде. Не буду спорить, справились вы отлично. Тогда я тоже имел к этому отношение, работал журналистом в популярном журнале, собирал информацию и фотографии для статьи, которую, к моему сожалению, так и не взяли на первую полосу. Как объяснил мой шеф... бывший шеф, многие фотографии были забракованы кем-то из архитекторов, поэтому статья так и не вышла, а я довольно быстро скатился до обычного клерка и ушел из офиса. Так вот, меня все мучит вопрос – кто бы это мог быть, кто разрушил мою карьеру?

– И с этим вопросом ты решил обратиться ко мне? Прекрасно помню этот проект! Уж поверь, не одну бессонную ночь я провел над чертежами, не одну неделю просидел в кабинете заказчика, улаживая все разногласия. И знаешь, все работали на износ, каждый мечтал внести свою лепту в прекрасный вид нашего любимого города. И если кто-то пытался пропихнуть второсортные фотографии в статью, благодаря которой читатели должны были узнать о таком грандиозном проекте, то уж извини, с гордостью пожму ему руку.

Тим отшатнулся, как от пощечины, его бесцветные глаза стали красными, он хотел еще что-то сказать, но не нашел слов и поспешил вернуться к Мэри, тем более что Когрович успел заметить болтовню и призывал всех не сбавлять набранный темп.

– Да, кстати, – шепнул я ему вслед, – вполне возможно, что это мог быть и я.

Не знаю, услышал он это или нет, но прошел темнее тучи мимо своей девушки, резко отмахнувшись от ее попыток подбодрить его. Вот уж неожиданность... Я даже старался не брать проекты близких друзей во избежание бесконечных разговоров на тему: «Что и как? Стоит ли еще что-то переделать? Достаточно ли мы тебе заплатили?» и тому подобное... А тут неизвестно откуда взявшийся у меня на пути недовольный своей жизнью чужой мне человек вместо того, чтобы учиться на своих ошибках и начать делать свою работу качественно, решил посвятить себя поискам виноватого. Я и представить не мог, что путешествие примет такой оборот. И это только наши первые часы вместе. Интересно, он успел представить, как скидывает меня со скалы или это будет на втором дне восхождения? Сейчас мне ой как не хватало остроумной шутки Мэтта.

– Что нужно этому парню? – спросил идущий за мной Адам. – Не так посмотрел на его девушку или предложил стать его шафером?

– Еще не вечер, но нет. Пытался найти в моем лице виновного в своих жизненных неудачах.

– О, даже так... Я бы на его месте не жаловался, Мэри-то очень симпатичная, – шепнул парень.

В этот момент Мэри обернулась, и ее расстроенное лицо осветилось легкой улыбкой. Надеюсь, она посмотрела на Адама, а не на меня. Мне не хотелось давать Тиму новый повод для недружелюбных взглядов и разговоров. Отнял работу, а потом увел девушку... Это может помешать хорошей концовке нашего путешествия, а я на нее очень надеялся.

– Тогда, Адам, тебе и карты в руки. На ее безымянном пальце я кольца не увидел, так что есть все шансы по-рыцарски спасти девушку от злого неудачника.

– Почему бы и нет? Нужно же как-то развлечь себя в походе.

– Не надейся, что весь поход будет выглядеть как туристическая прогулка из «Энциклопедии юных сурков». Посмотри!

Когрович кинул рюкзак на небольшую полянку. Ландшафт менялся, пологие склоны становились более каменистыми, а температура воздуха понизилась на несколько градусов.

– Дети мои, привал! Даю час на обед, и возвращаемся на тропу. Каждый день будем назначать по двое дежурных. Отвечаете за все приемы пищи в течение дня. Перед завтраком встаете на час раньше, чтобы развести огонь, сделать суп и принести воды для чая. Итак, сегодня, думаю, справятся Адам и Мэри.

– Так точно, командер, – отозвался довольный Адам, бросил свой рюкзак и начал выбирать место для костра и ставить треногу для котелка.

По правде сказать, я не ожидал от него такой прыти. Видимо, на просторах сети он не игнорировал всяческие руководства о пикниках, разведении костров и выживании в неприступных Альпах. Мэри медленно подошла к нему, присела рядом на корточки и принялась обсуждать меню нашего предстоящего обеда. Когрович стоял рядом с ними и эмоционально распоряжался насчет провизии, то и дело поглядывая на неумелые попытки Адама добыть дар Прометея. После третьей неудачи Джек, не выдержав, отпихнул парня в сторону, мастерски сложил ветки и разжег огонь, на что ему потребовалась всего минута. Тим же, заняв удобное место на камне и разжевывая неаппетитного вида мясной сублимат с несвойственным нормальному человеку остервенением, внимательно наблюдал за всеми движениями и взглядами Мэри, словно Цербер, не отходя от нее и на метр. Мы же с Дэвидом, который вел себя невероятно тихо с начала похода, решили немного осмотреться.

С нашей первой стоянки открывался великолепный вид на ледник. Легкие по-прежнему с жадностью вдыхали невероятно чистый воздух, ту самую непередаваемую «альпийскую свежесть», которую так любят нам навязывать маркетологи. На глаза наворачивались слезы от красоты первозданной природы, от слепящего солнца, от такой ничемности человеческой жизни с ее будничными, по сравнению с мощью и бессмертием гор, проблемами. Просто невероятно, как мы не вымерли от такого удушающего смога мегаполисов! Сейчас этот контраст ощущался особенно остро. Я позавидовал Когровичу, который чувствовал себя здесь, на альпийских лугах, как дома. Наверное, это как наркотик – горы однозначно найдут ключик к любому сердцу. Он почувствовал мой внимательный взгляд, оторвавшись от своей карты, в которой делал очередные пометки, и подошел ко мне.

– Что, Дэниел, как тебе просторы? В предвкушении приключений? Это же ты у нас архитектор?

– Именно. Рад, что решился на это путешествие.

– Ну, все самое интересное еще впереди! У гор особый характер, не стоит их недооценивать. Погода изменчива, как настроение юной девчонки. Поэтому смотри в оба – и вернешься домой целым и невредимым.

Погода действительно менялась, по небу потянулись вереницы облаков, а температура воздуха продолжала снижаться.

– Небольшое объявление! Через десять километров после выхода на тропу нас ждет первый подъем по скале. Но не волнуйтесь. Три дня назад команда с другим проводником оставила там свои крючки, поэтому подняться не составит особого труда. Далее, чтобы не облегчать вам путешествие, мы возьмем левее на северо-запад, пройдем по новому маршруту и освоим несколько высот. Все это – наш план на сегодня. Если не будем отставать от графика, успеем разбить лагерь до темноты.

Судя по настороженным взглядам ребят, не всем понравилась идея уходить с маршрута. Ощущение, что мы не первые в этих диких местах, слегка расхолаживало и в целом настраивало на прогулочный лад, чем на опасные приключения в горах.

Я неосознанно крутил в руках маячок, выданный Когровичем. Он невольно напомнил мой старый браслет из коричневой кожи с подвеской в форме лисицы, который София привезла из Калифорнии. Она знала о моей мечте – посетить Национальный парк величественных секвой. Но поскольку только ей в одной из рабочих поездок довелось побывать в этом живописном месте, мне досталось лишь море ее впечатлений, смешных фотографий на фоне знаменитых деревьев, пакет огромных шишек и браслет из сувенирной лавки. Лисица была сделана из древесины одной из упавших секвой, что не могло не греть душу. Раньше я носил его постоянно, мечтал о путешествиях, сидя на работе, вспоминал Софию, когда она надолго улетала в командировки, нервно теребил пальцами брелок, когда мы вновь и вновь с ней ругались. Ей всегда удавалось выворачивать все так, что груз своей вины я начинал ощущать не только морально, но и физически. Когда София ушла, мне хотелось уничтожить все, что могло напомнить о ней... Однажды чуть не выбросил старинное зеркало, но вовремя одумался, и оно осталось на прежнем месте, мирно храня все секреты моего душевного надлома. Браслет же я то ли бросил ей вслед, то ли нарочно обронил где-то на улице... В любом случае его больше нет...

– Надеюсь, брелок с маячком вам не понадобится. Если будете и дальше грустить, то все съедят без вас, – Мэри держала в руках плошку супа и нескромно большой ломоть хлеба. Я заглянул в ее чистые голубые глаза и понял, насколько она юна – ей, скорее всего, не было и двадцати пяти. Как она оказалась здесь с этим вспыльчивым неудачником? Одному богу известно...

– Думаю, ты права, без супа остаться совсем не хочется. Но разве на моем лице была заметна грусть? – спросил я у девушки, забрал из ее рук тарелку и окинул взглядом команду, которая успела приступить к обеду.

– Воздух вокруг вас стал таким тихим и плотным, что могу сказать наверняка – ваши мысли вернулись в прошлое.

– Занятно...

– Дэниел, возвращайтесь к свету, – она скромно улыбнулась и вернулась к костру.

– Мэри... – она обернулась на мой голос. – Давай на «ты»...

Она молча кивнула, но ее улыбка тут же погасла, встретившись с недовольным взглядом Тима. Адам сидел у костра и ухмылялся, а мне же совершенно не хотелось участвовать в его играх. Какими бы заинтересованными взглядами меня не одаривала девушка – а теперь сомнений не было, что они предназначались именно мне, – я понимал, что придется ее разочаровать и не дать ни единого шанса нашим возможным отношениям. Ведь пришел я сюда совершенно не за этим.

Полчаса спустя мы вышли на маршрут. Когрович не позволил нам долго расслаживаться и грозился не возвращаться, если кто-то отстанет, что очень мотивировало, поскольку никто из команды не хотел остаться в одиночестве, тем более в незнакомом месте. Вскоре показалась скала, которую нам следовало преодолеть.

Дэвид вызвался подняться первым и протянуть страховочную веревку. И как самый крупный из нас, он считал, что сможет вытащить любого, кто по каким-либо причинам сорвется. Никто не стал его переубеждать. Когрович быстро обсудил с ним все детали, указав на удобные выступы на скале, куда тому следует крепиться, и Дэвид сразу приступил к подъему. Он, как большой медведь, вцепился в камень и начал медленно взбираться. Не могу сказать, что парень был очень грациозен, скорее, я все время удивлялся тому, как ему это удается, но, к счастью, закончилось все удачно. На самом верху он пропал из виду, выбравшись на плато, и сбросил страховочную веревку. Тим полез следующим. В отличие от предыдущего члена команды, он оказался на редкость гибким и цепким, прощупывал каждый сантиметр в поисках надежной опоры. Мы не стали ждать, когда он доберется до Дэвида. Как только оставалось около пяти метров подъема, начинал следующий – Мэри, затем Адам, и, наконец, пришла моя очередь. Я проверил карабин, размял пальцы и подошел вплотную к неровной каменной поверхности. Джек скептически наблюдал за происходящим, периодически отпуская нелестные комментарии. По его мнению, нашу подготовку можно было оценить, как ниже среднего, и в следующий раз предлагал ограничиться пикником на природе.

Я приложил ладони к отвесной скале, которая оказалась холодной и влажной. На фоне темной и плотной породы скальника руки выглядели бледными и слабыми. Попытки вспомнить все, чему учили меня последние два года, не увенчались успехом, как бывает в таких случаях, все сразу же напрочь вылетело из головы. Оставалось надеяться на мышечную память месяцами хорошо заученных действий. Медленно, но верно начался мой подъем. Будто дрессировщик, желающий найти общий язык с диким зверем, я пытался приручить камень. Сверху доносилась болтовня Адама, он пользовался случаем, подбадривал и страховал Мэри. За мной следовал Когрович, я посмотрел вниз, было интересно понаблюдать за его техникой. Он без труда, словно настоящий паук, пульсирующими движениями с легкостью находил упоры для пальцев рук и ног. Мне пришлось поторопиться, чтобы он не дышал мне в затылок. Последний рывок – и вот мы на новой точке нашего маршрута. Уши закладывало. Команда нервно хихикала и пыталась отдышаться. Когрович быстро сматывал страховку.

– Похоже, зяблики, вы тренировались на детских площадках. Молодцы, ничего не скажешь...

– А почему вы с нами постоянно разговариваете в таком тоне? – неожиданно выступил Тим.

Вся команда переглянулась. Определяющим правилом успешного похода является безоговорочное выполнение всех решений проводника, его опыт – наша гарантия на безопасное путешествие. К удивлению, Когрович даже не удосужился посмотреть в его сторону. Прошел между нами и, не оборачиваясь, сразу ушел на маршрут. Ясно дав понять, что никаких подобных разговоров не потерпит. Мэри нервно сорвалась с места и поспешила за ним. Мы тоже решили не отставать.

– Мэри, не волнуйся, если бы у Джека на самом деле возникли хоть малейшие сомнения в нашей подготовленности, он не дал бы нам шанса продолжить поход. Не бери в голову! Это же Когрович, – Мэри почти перешла на бег, и мне очень хотелось подбодрить ее.

– Дэниел прав. Он нас всех раскусил при первой же встрече. Это его стиль – держать в напряжении. Я ему доверяю, – уверенно подтвердил Адам.

Мэри обернулась и одобрительно кивнула, но темп не сбавила. С нами поравнялся Тим, довольно грубо оттолкнул меня с тропы в сторону и быстрым шагом пошел за девушкой. Видимо, хотел как можно скорее прочитать ей нотацию о нецелесообразности общения с мало знакомыми мужчинами.

– Боже мой, он начинает меня нервировать! Как будто нельзя было обойти тебя и не задеть, – прищурил глаза в сторону удаляющегося Тима, Адам.

- У человека проблемы с самим собой, но он упорно хочет найти виноватого из окружающих.
- Возможно, это хорошая тема для нового поста, займусь им, когда вернемся.
- Не сомневаюсь, – усмехнулся я и ускорил шаг.

Глава 6

На большом плоском камне, сложив ноги в позу лотоса, сидел Когрович. В своих руках, мирно лежащих на коленях, он держал очки и карту маршрута. Никто из нас не решался нарушить повисшую тишину. Джек впервые за все время пути снял очки-хамелеоны, и мы с интересом рассматривали знаменитые шрамы, множество раз пересекающие глаза от темных бровей до высоких скул.

Когрович ни в одном интервью так и не прокомментировал свой одиночный поход, из которого вернулся другим человеком. Множественные насечки, словно оставленные острым осколком скалы, стали поводом для многих легенд, ходивших среди альпинистов. А в журналах с завидным постоянством начали появляться статьи о встрече в горах с загадочным йети. Вероятнее всего, так никто и не приблизился к разгадке истинной причины появления этих шрамов, оставшихся навсегда на его невозмутимом лице. Что это за история, я не имел ни малейшего представления, и даже не знаю, хотел бы услышать ее или нет.

– Там, наверху, решается судьба вашего восхождения! – неожиданно прервал свое молчание Когрович и, все еще не открывая глаз, указал рукой в сторону темного ледника, потом вновь замолчал, нахмурился, при этом продолжая шевелить губами, будто ведя с кем-то напряженный диалог, и вдруг заключил: – Решено! Все-таки будем сходить с маршрута. Возьмем левее на северо-запад, там нас ждут острые скалы, но, возможно, маршрут получится короче первоначального, и вы не заметите, как окажетесь в своих теплых спальниках.

После этих слов он вскочил на ноги и, слегка рисуясь, вернул на место свои любимые очки-хамелеоны и зашагал вперед, напевая под нос незнакомую мелодию. Мы переглянулись, никого не радовала идея стать первопроходцами, но все прекрасно понимали, что спорить по поводу маршрута бесполезно.

Чем ближе мы подходили к леднику, тем суровой становилась окружающая нас природа.

Наша команда, как маленький паровозик, идущий в горы, синхронно выпускала над собой облачка пара. Постепенно солнце перевалило за полдень. Необходимо было успеть при свете дня преодолеть опасный подъем по леднику и потом спокойно поставить лагерь для ночевки.

Мэри была очень расстроена, что и неудивительно, – Тим устроил ей очередной допрос с пристрастием. Он постоянно подталкивал ее перед собой, чтобы она не выходила из поля его зрения. В итоге девушка не выдержала и заняла место между мной и Адамом. Что еще больше взбесило ее жениха.

За этим было грустно наблюдать, но по-рыцарски спасти даму в мои планы не входило. Я не за этим отправился в горы. Надеюсь, Мэри не успела ничего себе нафантазировать и не ждет от меня шагов в ее сторону. Она ошиблась не только в Тиме, но и во мне. Сейчас в моих мыслях не было места для идеальной картинки, где я влюбляюсь, женюсь и завожу детей. Мне хотелось ни о чем не думать, просто идти вперед, вбивать ледоруб в твердый лед, спать в уютном спальнике и наслаждаться долгожданным путешествием. Столько нервов было потрачено, что сейчас хотелось зависеть только от самого себя. Больше никаких переживаний и чувств!

Глава 7

На пятнадцатиминутном привале мы, не сговариваясь, стали утепляться. Раскрыв рюкзак, я сразу обнаружил все необходимое: не продуваемая куртка, перчатки с открытыми пальцами и балаклава – было приятно натянуть ее на голову, сразу стало теплее, она превосходно спасала от постоянного холодного ветра, который начинал усиливаться. Сверху валялась упаковка ирисок с перцем чили, Мэтт выдал мне их на случай, если нужно будет взбодриться. Но думаю, что они ему просто оказались не по вкусу. Большой любитель сладкого, Мэтт, похоже, не оценил такое взрывное сочетание. Мне пришла идея поделиться ирисками со всеми, к удивлению, никто не отказался. Вначале я подошел к Мэри. Она протянула вперед свою маленькую ладошку в ожидании конфетки, что показалось мне очень милым. Ее светлые локоны выбились из-под балаклавы, а голубые глаза сверкали хитринкой. Все дело в конфетах, успокаивал я себя. Тим стоял в отдалении один и копался в своем рюкзаке. В руку девушки упала еще одна конфета, чтобы она передала и ему. Совершенно не хотелось опускаться до обид и как в детском саду не делиться сладостями. Когрович тоже не отказался от угощения, попробовав, одобрительно ухмыльнулся и взял небольшую горсть себе в карман.

– Настоящего перца вы отведаете быстрее, чем вам кажется! Наш подъем начинается, – довольным тоном объявил Джек, указывая на продолжение маршрута.

Перед нами развернулась невероятная картина. Настоящий обман зрения: за обычной невысокой скалой, у которой мы сделали привал, начинался ледник. Его не увидишь, пока не пройдешь пары метров. Под ногами валялись темные камни – осколки заледенелой породы. Воздух стал по-настоящему морозным, в нем кружились редкие снежинки. Всех охватило волнение, только Когрович все так же улыбался, усевшись на камень и вытаскивая из рюкзака ледорубы и кошки. Для него, похоже, начиналась самая любимая часть путешествия.

Не верилось, что нам предстоит еще не один день в таком походном режиме. Первый день – морально самый сложный, хотелось поскорее вернуться домой, но я искренне надеялся, что все трудности временные. Мэри стояла неподалеку. На ее выбившиеся пряди ложились снежинки. Мне стоило немалых усилий удержаться от желания их стряхнуть. Адам опять крутился возле нее. Глаза у него стали красными от острых ирисок, от последней он и вовсе поперхнулся. Надеюсь, у него нет аллергии на перец. Его покрасневшее лицо и снежинки в волосах девушки напомнили мне о нашем последнем Рождестве с Софией в старинном Зальцбурге.

Такой заснеженный, романтичный и волшебный город просто не мог не привлечь нас на рождественские праздники. Крыши домов и башни средневековых соборов мирно дремали под белыми шапками. Мы выбрали уютный отель в Старом городе и теперь почти все время проводили на улице, наслаждаясь витающими в воздухе ароматами свежесваренного глинтвейна, сосисок, жареного миндаля и печеных яблок с корицей. Перемещались с одной площади на другую, проходили по украшенным узким улочкам города, где над головой нависали сети гирлянд, лампочек и елочной мишуры. София дурачилась, как ребенок, ложилась на снег и делала снежного ангела.

Зальцбург был переполнен всевозможными рождественскими ярмарками, перетекающими из одной в другую по всему городу. На один из таких базаров мы попали, выйдя на площадь Резиденцплац. У входа в собор выстроился хор, начинающий исполнять традиционные рождественские гимны. София встала передо мной, а я подошел ближе и приобнял ее за плечи. Нас окружала настоящая сказка. Праздничные мелодии добавляли настроение. На свежем воздухе дышалось легко и радостно. Хотя мы и так пребывали в легкой эйфории после нашего примирения. До поездки мы почти два месяца не разговаривали из-за серьезного скандала. Но как-то одним декабрьским вечером столкнулись в любимом кафе, поняли, что соскучились,

а причина последней ссоры показалась не такой уж и значительной. В этот же вечер София вернулась ко мне.

Мои родители были дома – они категорически не праздновали Рождество в другой стране и поэтому в первых числах декабря всегда возвращались из Италии с большим запасом вина и сыра, которые последние несколько лет служили приятными подарками для друзей семьи. Мама хозяйничала на своей любимой белой кухне, напевала рождественскую мелодию и варила фирменный сырный суп. Отец открывал бутылку вина и, надев большие очки, перелистывал свежие интерьерные журналы. На пороге появилась София, и по нервной улыбке матери читалось, что она надеялась никогда ее больше здесь не увидеть. Но, мгновенно справившись с эмоциями, расцеловала девушку в обе щеки и пригласила войти. Отец грустно ухмыльнулся, покачал головой и, сдвинув на кончик носа очки, с укоризной посмотрел на меня. В этот вечер фирменный суп был испорчен, напряжение витало в воздухе, но я старательно этого не замечал.

Поездку в Зальцбург я считал началом нового этапа наших отношений. Меня грели мечты о будущем, сильные чувства да еще имбирное печенье в виде сердца с привязанным на красную ленточку золотым кольцом, увенчанным небольшим бриллиантом, которое я хотел подарить Софии в нужный момент. У меня не было заранее подготовленного плана, но я надеялся, что сам город подскажет, когда стоит сделать предложение. Хор закончил свое выступление, и исполнители, сложив свои папки с текстами песен, начали расходиться. Когда девушка обернулась, она не улыбалась, на лице застыло какое-то недовольное задумчивое выражение.

– Я устала... Слишком много народу, слишком много песен и слишком много щелкунчиков...

Я огляделся. Действительно, прилавки ломились от изобилия всевозможных зубастых солдатиков. Но это и не удивительно, Щелкунчик – один из символов Рождества в Австрии. Что могло ей не понравиться? Мне стало не по себе. Ее тон и настроение кардинально отличались от моего внутреннего состояния в эту минуту. Но чтобы не усугублять ситуацию, просто приобнял ее за талию и попытался поцеловать. София ловко увернулась. С трудом сдерживая свое возмущение, я прошептал ей на ухо: «Ты устала. Пойдем выпьем кофе. Никаких „но“! Покажу одно легендарное место, уверен, тебе понравится». Мы направились в самое сердце Старого города к знаменитой средневековой улочке Гетрайдегассе, которую легко узнать по кованым вывескам магазинов. Шли мы медленно и молча. Я боялся очередного выяснения отношений, но в то же время очень злился из-за неразделенного чувства легкости и счастья. «Эх, вечно это недовольное лицо! И что теперь не так? Хор напомнил о наших прежних разговорах? Каким образом? Щелкунчики не так посмотрели?..» – крутилось у меня в голове.

Ненадолго задержавшись у дома, в котором родился Моцарт, мрачноватого в вечерних сумерках из-за темных окон, мы побрели по улочке, которую искали. Старинные домики булочных, кофеен и магазинчиков плотно прижимались друг к другу, железные вывески соперничали между собой в оригинальности, а темнеющее небо пряталось за переплетением гирлянд с бегающими тепло-белыми огоньками. Я привел Софию к входу в кондитерскую, где изобрели всеми известные круглые шоколадные конфеты с начинкой из марципана. Здесь их продавали в серебряных обертках с синими эмблемами, таких не найдешь в обычном магазине. Это был не только рай для сладкоежек, но и место, где можно посидеть и выпить кофе по-венски с замечательным видом на улицу. Несмотря на множество посетителей, в кафе освободилось два места за столиком у окна, и мы успели их занять. За стеклом проходили туристы с покрасневшими лицами, пакетами сувениров и напитками навынос. После рождественских ярмарок есть совершенно не хотелось, и мы заказали только по чашке кофе. Рядом с нашим столиком стояла живая рождественская ель, увешанная игрушками и сладостями. София смотрела в окно на темнеющую улицу и на мое отражение, за ее щекой таяла откуда-то взявшаяся конфета.

– Только вот не надо нотаций, хорошо? Не обеднеют они от одной конфеты! Рождество, в конце концов... Считай, угостили, – предупредила мой вопрос София.

– Нам повезло с местами... В такую пору почти все кафе забиты. Как тебе город? – пытался я отвлечь девушку.

– Дэниел, ну разве можно во всем видеть только хорошее?! И кофе вкусный, и шелкунчики тебя не напрягают!

– Боже, София, да сдались тебе эти шелкунчики! Каждый год их выставляют на прилавки, а тут они тебе покоя не дают. Что на самом деле происходит? В чем причина такой смены настроения? – поинтересовался я, с досадой поставив чашку, так и не сделав ни единого глотка.

– Все отлично. Тебе показалось, – девушка откинулась на спинку стула и, достав мобильный телефон, полностью погрузилась в новостную ленту.

Я выдохнул, поправил высокий ворот водолазки и одним большим глотком выпил свой кофе. До сих пор не понимаю, почему тогда не нашел в себе смелости уйти. Возможно, она хотя бы задумалась над своим поведением... Нет же, я продолжал сидеть и наблюдать за ней, разрешая играть в эти детские игры. Вместо того, чтобы здраво оценить ситуацию, я, как наивный дурак, начал искать причину в себе. «Она не чувствует от меня серьезных намерений? Стоило намекнуть на планирующееся предложение руки и сердца, все сразу бы встало на свои места!» – крутилось у меня в голове.

Еще какое-то время мы сидели молча, каждый погруженный в свои мысли, пока я не предложил продолжить нашу прогулку. Несмотря на зимний вечер, город не опустел, даже наоборот – казалось, что с приходом темноты туристов заметно прибавилось. Мы не спеша шли по оживленной улице, позволяя волне гуляющих людей направлять нас, поэтому не сразу заметили, что оказались на дороге, ведущей к крепости Хоэнзальцбург. Прекрасный замок с множеством башен и внушительной крепостной стеной, сурово возвышался над городом. Чтобы подняться к нему, мы воспользовались фуникулером. Вид сверху открывался действительно впечатляющий, все было как на ладони и изгиб реки, и Альпы, и город с его окрестностями. На улице холодало и пришло время решать – возвращаться в отель или сделать ей предложение прямо здесь. «То ли это место и подходящий ли момент, на который я все это время рассчитывал?» – сердце начало предательски стучать, до появления шума в ушах. «Что же эта женщина делает со мной?» – удивлялся я сам себе. Девушка же, не подозревая о моих душевных терзаниях, прогуливалась по внутренней площади вдоль ярмарочных домиков, рассматривая сувениры и пакетики со всевозможными сухофруктами и орешками.

– София, ты только посмотри, какой прекрасный вид на реку! Она переполнена не только водой, но и бесконечными рождественскими отражениями.

– Да, вид шикарный, абсолютно согласна.

Я полез было за пазуху, но меня остановило выражение лица моей девушки. В глазах читалась паника, неопиcуемый ужас, внезапно охвативший всю ее. «Неужели она так быстро догадалась о моих планах и испугалась?» – эта мысль была первой пришедшей мне в голову. Но нет, она смотрела поверх моего плеча. Я резко обернулся и сощурил глаза. Из-за угла приближалось что-то огромное и темное. Двухметровый волосатый черт – Крампус, с жуткой мордой, козлиными рогами и раздвоенными копытами. Злой дух, которого боятся непослушные австрийские дети. Такие чудища периодически появлялись на улицах Зальцбурга, приводя туристов в восторг, а некоторых и в ужас. София вздрогнула, а затем стала пятиться назад, в сторону дороги ведущей из замка.

– Дэниел, бежим!.. – прошептала она сдавленным от страха голосом.

Не знаю почему, но мы пустились наутек. София неслась впереди меня, как обезумевшая, и постоянно оглядывалась. Тревога подпитывалась тем, что это чудище и впрямь взялось настойчиво нас преследовать. Оно злобно кряхтело и сопело, не собираясь отставать. Я посмотрел назад, и мне показалось, что в его глазах полыхнул настоящий дьявольский огонек. Отчего стало вдвойне не по себе, пришлось брать пример с Софии и прибавить ходу. Мы неслись по улицам, обгоняли пешеходов, нервируя неторопливых австрийцев своей непонятно откуда

взявшейся паникой. Наконец, шум преследования затих. «Оторвались», – выдохнул я. И тут же услышал пронзительный крик Софии. В конце темной улочки, перегородив проход, стоял монстр. София так быстро бежала, что не успела сбавить скорость, врезалась в его лохматую грудь, упала на снег и начала торопливо отползать подальше в сторону. Недолго думая я подбежал к девушке, ловко увернулся от ревущего Крампуса, и изо всех сил схватив за шиворот куртки, поставил ее на ноги. В этот момент было не место для джентльменского протягивания руки. К счастью, я узнал улицу, на которой мы находились и с уверенностью, взяв Софию под локоть, поспешил к нашему отелю.

Как только мы зашли в номер, девушка бросилась к окну, умоляя пока не включать свет.
– Немедленно иди сюда, – испуганно позвала София.

Я подошел к окну. На площади перед входом в отель топтался наш ужасный преследователь.

– Соглашусь, что это было волнительно. Откуда он только взялся? – я с удивлением наблюдал, за сказочным монстром.

– За нами гнался настоящий Крампус, не сомневаюсь, что это он!

– Детские сказки! Перестань... – успокаивал я девушку, глядя по руке.

Настоящим или нет был Крампус, я не знал, но понимал лишь одно – момент с предложением упущен.

Может, появление чудовища было неслучайным, и сам город послал этого рождественского призрака, чтобы остановить меня. В итоге другого случая сделать предложение Софии так и не представилось, и мы уезжали со странным ощущением недосказанности. А колечко с бриллиантом вернулось на дно чемодана.

Сейчас перед моими глазами были не длинные рыжие волосы Софии, покрытые рождественскими снежинками, а легкие белые локоны Мэри, и рядом стоял не страшный Крампус, а Когрович с острым ледорубом в руках, пытающийся объяснить мне дополнительные нюансы подъема, которые я благополучно прослушал.

Глава 8

Все стояли в полном обмундировании в касках и с ледорубами в руках. Ледяная скала, нависающая над нами, казалась непреодолимой. Когрович подходил к нам по очереди и проверял каждый сантиметр страховочной системы, правильное крепление кошек и, если все его устраивало, одобрительно стучал по каске своим карабином. У Мэри он задержался дольше, чем у остальных – что-то ему не нравилось. Он пытался поправить кошки, но они упорно не хотели держаться на ее обуви.

– Так, милочка... Ты что, не под эти ботинки их подгоняла?

– Я... я... – замялась девушка, – я в последний момент взяла другую пару, она легче, и мне в ней удобней. А что? Она ведь такого же размера.

– Да потому что нужно, чтобы они сидели как влитые, а здесь совсем другой подъем подошвы, – он, кряхтя, достал из рюкзака моток красной изоленты, и при помощи ее попытался закрепить кошки как можно плотнее. – Хоть так... Готовьтесь ловить ее, мальчики.

Когрович подошел к подножию скалы, осмотрел неровную поверхность и одним мощным ударом вонзил в нее ледорубы. Одно удовольствие было наблюдать за его техникой, координацией и пластикой. Джек мастерски использовал снаряжение и особенности рельефа, периодически останавливался, чтобы вогнать в лед крюки для страховки. Смотреть на это можно было вечно, но пришло время и нам покорить это препятствие. Первой пошла Мэри. Тим, вместо того, чтобы ободрить девушку, торопил и довольно грубо подталкивал вперед. Ее первые попытки ударить ледорубами оказались слабыми и неуверенными. Острее едва входило в плотную ледяную поверхность, превращая ее в мелкие осколки. Казалось, что Мэри не под силу справиться с таким испытанием. Но к счастью, с каждой минутой движения становились все увереннее.словно через них, девушка наконец-то могла выплеснуть все свое недовольство. Она быстро набирала высоту и скорость, которая здесь совсем и не требовалась. Главное было – не получить травму. Даже несмотря на изменение маршрута, мы, по расчетам Джека, успевали засветло. После ледника, а точнее, всего лишь его малой части, больше похожей на замерший водопад, нам предстояло спуститься в долину, где температура прогнозировалась более комфортная для ночевки... Когрович, преодолев полпути, остановился, чтобы передохнуть и проследить, как мы дружной цепочкой поднимаемся за ним. Все шло хорошо, Мэри несколько раз соскальзывала по льду кошками, но умудрялась удержаться и продолжала взбираться вверх.

«Эх... Мэтт, наверное, сейчас в своем теплом кабинете ждет конца рабочего дня... Надеюсь, у него сегодня не назначено никаких серьезных операций, и он просто пойдет домой к своей любимой Лизи», – почему-то вспомнил я про друга, когда мы остановились. Сверху началась какая-то суета.

– Да не могу я, не могу! Ты же видишь, она там застряла и погнулась. Как ты ее предлагаешь мне вытащить? Вдруг связка не выдержит, – до меня доносился нервный голос Мэри.

– Не двигайся. Сейчас посмотрю, – Тим попытался подняться к ней поближе.

– Какого черта вы там делаете? – Когрович приспустил очки. – Эй, хромоножка, что стряслось?

– Кошка соскочила и осталась во льду! Тим сейчас поможет ее вытащить! Самой мне не хватит сил – она неудачно погнулась и застряла!

– Да что со всеми вами не так! У вас голова забита всякой ерундой, в ней не остается места для элементарных правил безопасности! – проводник ударил кулаком по льду.

– Все в порядке, шеф, я ее достал, – отозвался Тим.

Дальше события развивались очень быстро: сверху донесся страшный скрежет, и множество мелких каменных и ледяных осколков посыпались прямо мне на лицо, тут же в опас-

ной близости пролетел ледоруб, зловеще прозвенев острием своего блестящего лезвия. Мне оставалось лишь как можно плотнее прижаться к отвесной стене и надеяться, что удастся не сорваться вниз. Но, замешкавшись, получил скользящий удар по спине, кто-то несчастный только что пролетел мимо меня. Мэри, коротко вскрикнув, повисла на страховке вниз головой, сильно ударилась шлемом о лед, и теперь, потеряв сознание, раскачивалась на веревке, словно тряпичная кукла. Я посмотрел вниз. Дэвид из последних сил удерживал Тима от дальнейшего падения. Его мертвая хватка не позволила парню очутиться на земле. На мгновение повисла тишина, казалось, что можно услышать громкое дыхание каждого из команды.

– Всем сохранять спокойствие! – раздался уверенный голос Когровича совсем близко. Проводник спустился к нам.

– Дэниел, ты сможешь дотянуться до Мэри, если поднимешься на метр повыше. Приведи ее в чувство. Наша задача сейчас – выбраться с подъема. Потом оценим наши потери.

Я закрепился на ледорубе и остановил раскачивающееся тело. К счастью, девушка дышала, ее грудь мерно вздымалась и опускалась. Но была до сих пор без сознания.

– Мэри, Мэри! – пытался я привести ее в чувство и при этом не напугать.

– Закрепись еще на метра полтора выше и подними ее головой вверх, – командовал проводник.

Несколько неудачных попыток, и мне все-таки удалось подхватить девушку и перевернуть. Я прижал Мэри к себе, нащупал карабин и пристегнул. Как раз в этот момент она начала приходить в себя, все тело резко напряглось, глаза распахнулись и с трудом сфокусировались на мне. Она явно не понимала, где находится, и попыталась отстраниться от меня.

– Осторожно! Ты куда собралась? Разбиться хочешь?

Мэри тут же замерла, испуганно посмотрела на меня, а потом перевела взгляд вниз. Видимо, наконец-то до нее дошло, что происходит, и она крепко вцепилась в мою куртку.

– Я упала? Вторая кошка тоже соскочила, а ледоруб не выдержал моего веса и выскочил из рук, – хриплым голосом вспомнила последние события девушка.

– Тише, тише... Главное, что ты пришла в себя. Могло быть и хуже. Но теперь нужно придумать, как выбираться.

– Эй, ты там поменьше ее трогай! – долетел до меня неуместный комментарий Тима.

– Помалкивай, дружище, а то сейчас тебя отпущу, – не выдержал Дэвид.

– Тим, да прекрати же ты! Сколько можно! – тихо простонала Мэри.

– Еще кто-то пикнет – и я вызываю спасательный вертолет и отправляю вас домой. Хотите в первый же день похода друг с другом перегрызться? – Когрович почти спустился ко мне и Мэри.

Он не знал, как поднять девушку, которая лишилась снаряжения. Спускаться и искать их внизу, было бесполезно. В итоге он принял решение продолжать подъем. Проводник отдал Мэри один ледоруб и одну кошку, примотав ее плотно к ноге. Для подстраховки Когрович находился позади и двигался за девушкой шаг в шаг.

Опыт Джека помог нам осилить высоту, и мы все успешно справились с ледяной преградой. Даже несмотря на сложный подъем, падение и перепалки, я однозначно хорошо проводил время. Тренировки дали свои плоды, и я комфортно чувствовал себя в экипировке и уверенно пользовался снаряжением.

– В общем, пора спускаться в долину, через час начнем разбивать лагерь. А ты, милочка, иди сюда, кое-что обсудим, – проводник приобнял Мэри за плечи, и они пошли вперед.

Мы переглянулись и занялись сменой экипировки. После того как закинули ледорубы и кошки обратно в рюкзаки, казалось, что идем налегке. Балаклавы оставили надетыми, так как с ледника продолжали долетать пронизывающие порывы холодного ветра. Тем не менее настроение у всех участников похода заметно улучшилось, даже на лице вечно задумчивого Дэвида сияла улыбка. Нас согревало приятное предвкушение заслуженного отдыха после пер-

вого дня пути и сытного ужина. Живот предательски урчал, хотелось горячей каши с мясом, погреться у костра и, конечно, дожидаться момента, когда проводник объявит отбой и можно будет забраться в свой теплый спальник.

Глава 9

Мы спустились в долину, с удивлением наблюдая кардинальную смену ландшафта. После острых скал и льда нас встречали зеленые кустарники и мхи, покрывающие камни упругим ковром, каменная гряда с огромными валунами и открывающийся прекрасный вид на хребет. Солнце до половины скрылось за высокими пиками недремлющих Альп, и нам следовало поторопиться, чтобы успеть до наступления темноты.

По приказу Когровича мы выбрали место за одним из крупных валунов. Он надежно закрывал будущий лагерь от холодного ветра, который назойливо взялся нас догонять ледяными пронизывающими порывами. Скинув рюкзаки, мы с Дэвидом начали собирать хворост, Мэри с Тимом раскладывали провизию, а проводник пошел показать Адаму, где находится горный родник. Когрович прекрасно ориентировался в здешних краях и без карты, хотя всегда держал ее под рукой. Мы все знали о его достижениях, но сам он ни разу не рассказывал нам о своих прошлых походах. Наверно, считал, что мы способны самостоятельно найти все интересующие статьи в интернете или по старинке в журналах о путешествиях.

К тому моменту, когда первая палатка была собрана, Когрович и Адам успели уйти довольно далеко, и я с трудом мог различить их фигуры. Тим и Мэри развели костер и приготовили все продукты к нашему первому ужину. Осталось только дожидаться воды, чтобы сварить похлебку с мясом. Постепенно палатки, каждая из которых предназначалась для двоих, окружили кострище. Получилась довольно уютная стоянка. Весь день похода стоил того, чтобы скрыться от цивилизации в этом богом забытом месте. В пламени костра тихо потрескивали сухие ветки, а его редкие всполохи освещали наши усталые лица. Незаметно наступили сумерки. Глубокие тени легли на серые скалы, небо окрасилось в сине-сиреневые тона. Наконец-то в лагерь вернулись Адам и Когрович с тяжелыми котелками, полными воды. Один сразу поставили на огонь, а второй, который предназначался для чая, пока ждал своей очереди в стороне. Джек, завидев, что Тим хочет помыть в нем свои грязные руки, резко отдернул его.

– Дурья твоя башка! Привык на все готовенькое? Видел, в каком направлении родник? Будь добр, принеси себе сам, умоешься заодно! – проводник указал в ту сторону, откуда они только что вернулись.

– Эй, Тим, возьми влажные салфетки, – вмешалась Мэри, в надежде предотвратить очередной возможный конфликт.

– Сходили к черту на рога за этой водой, – пожаловался мне Адам. – Идти километра полтора, хорошо хоть по прямой. Местечко там такое – не подберешься, обрыв и горный родник на краю. О-о-о, отлично, палатки на месте! Расстелю спальник рядом с твоим, и скорее за готовку!

– Поторопись, от голода живот сводит, – я страдальчески сморщился.

– Уже бегу, – рассмеялся парень.

Спустя минут сорок в наших мисках оказалась долгожданная похлебка. Мы сидели у костра, смотрели на огонь и молча ели, даже наш командир вел себя непривычно тихо. Подкрепившись, каждый занялся своим делом: Адам достал небольшую книжку, Мэри и Тим сразу ушли спать, а Когрович остался сидеть у костра и делал пометки в блокноте.

– Что читаешь? – поинтересовался я у блогера.

– Книга о жизни на маяке, игры разума одинокого зрителя, – показал мне обложку с изображением моря и светящего маяка Адам.

– На самом деле, на маяке не так мрачно, как описывают в книгах... Раньше я считал его вторым домом, – на меня нахлынули приятные воспоминания.

– Что ты имеешь в виду? Бывал на маяке?

– Жил и неоднократно. Мой дед долго работал смотрителем на английском маяке, отец матери – англичанин. Меня в детстве частенько отправляли туда на несколько недель, а порой оставляли на месяц-другой, что меня очень радовало. Странно, но маяк никогда не вселял в меня страх или чувство одиночества. Может, из-за того, что он не стоял в открытом море, а находился в конце длинной насыпной косы, которая соединялась с городком. Поэтому ощущения оторванности от мира, которое описывают в книгах, не испытывал. Наоборот, для меня он являлся особенным и безопасным местом. Как сейчас помню – каменные стены, выкрашенные в белый цвет, длинная винтовая лестница, на ступеньках которой дед частенько оставлял мне секретные записки с заданиями на день, вырезками из журналов или найденные ракушки. Круглые комнаты, позволявшие моему детскому воображению с легкостью переноситься в башни старинных замков. Воспоминания о маяке – мое детство, самое спокойное место на свете...

– С ума сойти, это очень интересно! А на самый верх тебя пускали?

– Да. Но под тщательным присмотром! Там, наверху, святая святых маяка, так называемый фонарный отсек, особенное место, где в центре установлен осветительный аппарат. Башня и огонь – главные составляющие маяка. Погасни он – и все, жди катастрофы! Смотритель маяка – не профессия, а призвание. Жить на море непросто, все действия строго по инструкции, необходимо держать в надлежащем состоянии навигационные приборы, буи, следить за исправной работой фонарей и ревунов... Я тебя еще не утомил?

– Что ты, продолжай! – Адам отбросил книгу и, как мне показалось, устроился поудобнее в предвкушении продолжения моего рассказа.

– Каждый вечер случалась магия, согласно первому параграфу инструкции мой дед зажигал масляные лампы, которым полагалось гореть до утра. Все приборы постоянно проверялись на исправность, а сам маяк содержался в образцовой чистоте – как рабочие, так и жилые помещения. Там меня научили ответственности, порядку и усидчивости. Сейчас эти качества невероятно помогают мне в работе. Одним из самых любимых мест на маяке была открытая галерея башни. Пока дед принимал послания с судов или наблюдал за сезонным перелетом птиц, я представлял себя матросом на мачте, смотрел вдаль на горизонт, прищуривал глаз и вспоминал тысячу чертей.

– Ты был забавным ребенком с хорошей фантазией. Мало кто может похвастаться таким детством. Многие за всю жизнь не попадут внутрь маяка, а ты знаешь всю подноготную этого ремесла и места, – продолжал удивляться мой слушатель.

– Наверное, ты прав, это особенный опыт. Но главное то, что мне посчастливилось жить с самым умным, добрым и заботливым человеком. Он всегда говорил, что нужно брать пример с маяка: со стойкостью переносить натиск жизненных ураганов и штормов, ведь они делают нас сильнее, выявляют наши слабые стороны и позволяют укрепить нас там, где необходимо. И что бы ни случилось в жизни, ни в коем случае нельзя позволить погаснуть внутреннему огню, потому что пока он горит, всегда будет надежда.

Пришлось прервать свой рассказ, к горлу подкатил комок. Так ярко встали перед глазами мои воспоминания, сердце тоскливо сжалось. Пять лет как на маяке новый смотритель, но легче так и не становится, только безграничная тоска и любовь к человеку, которого больше никогда не увидишь... В наследство мне достался шуточный бортовой журнал, который мы вели с моего первого приезда, и образцовая линза Френеля превосходного качества. Она стоила немалых денег, но я передал ее в музей, который открылся в том же городке. Помимо модели маяка, его частей и различных устройств, особое место занимали фотографии моего деда, посвятившего полвека этой ответственной профессии.

– Да вы полны загадок, мистер Гилберт, – Адам смотрел в огонь и, скорее всего, сейчас представлял бескрайнее море.

– Вы, конечно, можете не спать и до утра, но время подъема никто переносить не будет, доброй ночи, – неодобрительно хмыкнул Когрович, убрал свои карты в планшет и исчез в палатке.

Но почти сразу откинул ее полог, высунул голову наружу и напомнил:

– Кстати говоря, за всей вашей болтовней забыл объявить следующих дежурных: Дэвид и Дэниел завтра весь день балуют нас своей стряпней. Не забудьте – это значит встать на час раньше других, разжечь костер, приготовить завтрак и воду для чая. Надеюсь, справитесь.

Я кивнул, а из палатки проводника донесся сонный голос Дэвида, который подтверждал, что все услышал и что не стоит пихать его ногами, чем, видимо, в данный момент и занимался Когрович.

– Мне вот интересно... Ну не может быть, что маяк – такое спокойное место без страшных штормов и загадочных происшествий, – не прекращал свой допрос Адам.

– Ну, по рассказам деда, всякое бывало... Но я приезжал туда только на летние каникулы, поэтому заставлял самый спокойный период за весь год. Залив тихий, без сильных волн и штормов, – мне хотелось поскорее закончить рассказ и пойти спать, глаза слипались.

– А в другое время?

– В другое время моему старику приходилось переживать там страшные ночи, трясясь за каждый камень своего всем сердцем любимого сооружения. Приятного мало, когда тонны воды пытаются, как морское чудовище, поглотить тебя вместе с близлежащим городком. Но маяки строят так надежно, что город может быть разрушен, а он выстоит как ни в чем не бывало. Так и этот маяк – не боялся ничего.

– А как насчет мистики?

– Летучий Голландец? – я скептически посмотрел в сторону Адама.

– Ну, например.

– Не жди сейчас долгого рассказа... Уже поздно, но, конечно, в любом месте в запасе имеются и легенды, и необъяснимые случаи. В штормовом шуме часто мерещатся гудки просящих о помощи судов, крики людей, необъяснимые стоны. Однажды мой дед всем рассказывал про то, как после очередного шторма нашел на камнях русалку – банальные зеленоватые волосы, жабры, хвост, голосок трескучий... Просилась обратно в море. Так он ей и помог. Потом носился по городу с какой-то побрякушкой, то ли медальоном, то ли ракушкой. Никто, конечно, всерьез его не воспринял. Тогда еще он только год, как скорбел по моей покойной бабушке. Поэтому местные жители снисходительно списали поведение старика на боль одиночества, – от разговоров остатки сна развеялись окончательно.

– А ты что думаешь? – глаза Адама горели неподдельным интересом.

– Думаю, что каждый имеет право на безграничную фантазию, – мое лицо озарила печальная улыбка. – Но я, скорее, относился к тем, кто переживал больше за состояние старика, чем за выброшенное из моря мистическое существо. Меня переполняло чувство вины. После поступления в институт я все реже находил время, чтобы навестить его. Теперь безумно об этом жалею. Но молодость захватывает и часто ставит на первый план совсем не стоящие вещи.

– Понятно... А что за медальон?

– Так, Адам, ты окончательно прогнал от меня сон! Наверное, придется прогуляться. Дэвид все равно спит, пойду один, принесу воду для завтрака... Сейчас это будет сделать намного проще, чем с раннего утра.

Я отошел от нашего лагеря на несколько метров и сразу почувствовал ночную прохладу, которая почти не ощущалась вблизи жаркого пламени. На безоблачном небе мерцали первые звезды. В руках позванивали два котелка, единственные спутники моего маленького путешествия. Я уходил все дальше, но свет от костра все еще был хорошо различим и служил превосходным ориентиром. Надеюсь, Адаму не придет в голову его затушить до моего возвращения. В противном случае оно может затянуться до рассвета. Полчаса спустя я услышал журчание

воды и вздохнул с облегчением, радуясь тому, что правильно понял местоположение источника. Стало совсем темно. Последние метры пришлось передвигаться осторожно, почти на ощупь – Адам предупреждал о близости обрыва. И вот, наконец, мои руки коснулись холодной как лед воды. Она пахла свежестью и на вкус оказалась изумительной. Я вспомнил про налобный фонарь, но не позволил себе испортить искусственным светом волшебство этого уединенного места. Присев на большой валун, я ненадолго разрешил себе отдохнуть, прислушиваясь к монотонному шуму воды, дышал глубоко и спокойно. Рядом ждали котелки, наполненные водой, в их темном омуте отражались звезды, количество которых заметно прибавилось. Пора было возвращаться в лагерь, времени на сон оставалось все меньше, а второй день пути, несомненно, потребует свежих сил.

Сделав всего пару шагов от источника, я резко остановился. Меня охватило необъяснимое чувство опасности. Что-то изменилось в темноте... Шум воды приглушал другие ночные звуки, позволяя любому подкрасться незамеченным. Так и произошло – всего в паре метров от меня возник темный силуэт. От неожиданности все тело вздрогнуло, вода в котелках чуть не расплескалась, а сердце забилось вдвое быстрее. И тут раздался насмешливый знакомый голос, что вначале меня даже обрадовало, ведь в темноте меня ждал не чужак.

– А вам на месте не сидится, мистер Гилберт! И в горы он залез, и водички принес, и девушку увел... – Тим бросил мне в лицо обвинения с явным презрением в голосе.

Он подошел еще ближе, и теперь черты его лица стали хорошо различимы. Его злая ухмылка уж очень мне не понравилась – за ней скрывалось что-то зловещее и непредсказуемое.

– А тебе, похоже, заняться нечем, как только все время следить за мной! Какого черта ты вообще здесь делаешь? – пора было заканчивать быть с ним любезным.

– Ох, какие мы дерзкие! Посмотрите, может, не так уж и идеален наш архитекторишка! – Тим сделал еще шаг, приблизившись почти вплотную.

– Дай пройти! У тебя что, крыша поехала?! Пойми – виновник всех твоих бед не я, а ты! И никто твою девушку не уводил! При всем уважении к Мэри, мне сейчас совершенно не до этого, – я инстинктивно выставил руку вперед, чувствуя угрозу.

– Значит, вот как! Думаешь, можешь как ни в чем не бывало с ней флиртовать, а потом отнекиваться? Так дело не пойдет! – Тим резко схватил меня за запястье и с отвращением отбросил руку от себя.

Вода из котелков разлилась нам под ноги, стало очевидно, что он не настроен на мирное решение проблемы. Хотя проблемы толком и не было, ему не давал покоя сам факт моего существования и непонятно откуда взявшаяся вражда.

– Предлагаю остыть... Поверь, нам делить нечего, – я все еще надеялся сгладить назревающий конфликт.

В ответ же получил увесистый удар в челюсть. Я до последнего надеялся, что до этого дело не дойдет. Вероятно, мне бы удалось удержаться на ногах, если бы не эти дурацкие котелки, о которые я споткнулся и упал навзничь. В тот момент я думал, как ужасно глупо это выглядит. Даже сдачи не успел дать. А как же коронный левый, которому меня учил один из одноклассников, увлекавшийся боксом? Сейчас он был бы мной недоволен... Не успел я об этом подумать, как Тим схватил меня за грудки и рывком поставил на ноги, чтобы продолжить драку. Здесь все-таки мне удалось нанести ему несколько метких ударов и с силой оттолкнуть от себя. Он оказался весьма приставучим созданием, никак не мог угомониться... Я медленно пятился назад, стараясь не выпускать его из поля зрения. Мои ноги ступили в ледяную воду. Теперь борьба продолжалась у источника, разбитая губа саднила, но ледяная вода отлично отрезвляла. Неожиданно Тим взревел, как безумный, и со страшной силой врезался в меня. Я отлетел назад и не почувствовал почвы под ногами. Так вот он, злополучный обрыв, о котором меня предупреждали! Несколько метров свободного падения, затем последовал удар о выступающую скалу, теперь я скользил по ней на животе, судорожно пытаюсь зацепиться за любой

попадающийся на пути камень. Но скорость, с которой я летел вниз, не позволяла этого сделать. Каждую секунду я ждал злополучного удара, который станет для меня последним. Но тут мне удалось ухватиться за один из небольших выступов. Руки не слушались, все тело болело, грудь сотрясали тяжелые, судорожные вздохи. Фонарик слетел со лба еще во время драки, оценить свое положение было невозможно. «Держись, только держись!» – приказывал я себя, но последние силы покидали. «Неужели это конец, меня поглотит бездна?! Злая насмешка судьбы, так меня должны были исцелить горы? Мэтт оказался не прав – мне стоило бояться не суровых Альп, а озлобленных людей. Вот что может стать настоящей причиной трагедии в нашем мире».

Глава 10

Странное состояние – чувствовать, что находишься между жизнью и смертью. Боль в руках и теле ежесекундно напоминала о моем плачевном положении. Темнота и сияние звезд в глубоком черном небе, горячие струйки крови и ледяные брызги стекающей воды помогали ярче прочувствовать каждую секунду уходящей жизни.

Глаза, привыкшие к полумраку, различали острые камни, выступ скалы, который спас меня от падения, и черную бездну под ногами. В голове пролетали картинки недавней драки, до сих пор не верилось, что Тим оказался способен на такое безумство. Игра его большого воображения чуть не стоила мне жизни. Мы два чужих друг другу человека и, несмотря на это, он сделал меня виновником всех его бед, проследил и исполнил свой зловещий план. Кошмарное стечение обстоятельств! А родители... Они будут убиты горем, мать обвинит во всем Софию, Мэтт их поддержит, не сомневаюсь, но не перестанет твердить, что изначально сомневался в безопасности этого похода. Если выберусь отсюда, буду стараться иногда прислушиваться к его советам...

Течение моих мыслей прервало еле уловимое движение, за ним последовал шорох осыпающихся мелких камней. Возможно козероги – бесстрашные обитатели здешних мест, выбрались на ночную прогулку. Способно ли любопытство привести их ко мне? Я напряг слух, но ни блеянья, ни цоканья копыт рядом не услышал. Но то, что предстало перед моими глазами, чуть не заставило разжать пальцы и сорваться в бездну. Прямо перед моим лицом кто-то протянул мне широкую ладонь в черной перчатке. Сердце забилось так, словно хотело выпрыгнуть из груди, а от переизбытка адреналина стало трудно дышать.

– Спасен... – обессиленно, но радостно выдохнул я. – Когрович, слава богу, вы здесь! Без сомнений, мое отсутствие в лагере не осталось незамеченным, и он пришел спасти меня...

Я уверенно схватился за протянутую руку. После чего последовал невероятной силы рывок, перенесший меня на десяток метров вверх, по крайней мере, мне так показалось. Оказавшись на широкой ровной площадке, я упал на колени и долго не мог отдышаться – уж очень быстрым было это перемещение. Но осознание того, что обычному человеку невозможно такое осуществить, заставило меня немедленно вскочить на ноги.

Каменная площадка пустовала – ни Когровича, ни моего неизвестного спасителя. Но так казалось только на первый взгляд. У подножия скалы, прямо в воздухе, висела та самая перчатка. Я прищурился, но так и не смог разглядеть ее хозяина. «Быть такого не может! Обман зрения не иначе! Что не привидится после такого падения!» – глаза отказывались верить. Перчатка висела бездвижно, словно не хотела меня напугать, но потом очень осторожно сделала подзывающее движение. От неожиданности все тело окаменело, ни с чем подобным мне раньше не приходилось сталкиваться. Но другого выхода не было, за спиной все тот же роковой обрыв, а боль и усталость во всем теле только усиливались. Пришлось рискнуть и подойти ближе. Перчатка сделала что-то наподобие реверанса и указала прямо в скалу. Сначала кроме каменной стены ничего разглядеть не удалось, но затем, подойдя почти вплотную, я увидел еле заметное голубоватое сияние. Оно исходило из глубины узкой зигзагообразной расщелины, на которую и указывала моя спасительница. «Неужели она предлагает, мне туда войти?» – меня переполняли сомнения и страх.

Больше всего на свете в этот момент мне хотелось проснуться в своем спальнике в холодном поту и осознать, что все события этой ночи всего лишь дурной сон. Вспомнить, как я вернулся с котелками воды, как пошутил с Адамом, как поймал улыбку Мэри. Но к сожалению, реальность была там, где я находился, с неизвестно откуда взявшейся живой перчаткой и загадочным проходом в скале, уж точно ничего хорошего мне не предвещающего. Он оказался шире, чем выглядел на первый взгляд. Его края обрамлял искусно выкованный узор, напоми-

нающий ползучий плющ, настолько правдоподобно выполненный, что если не трогать его и не чувствовать холод металла, легко перепутать с живым растением.

– Возможно ли, что кто-то бывал здесь до меня? – собственный голос показался чужим, осипшим и глухим.

Я оглянулся в сторону обрыва и понял, что другого пути все равно нет. Стоило мне шагнуть внутрь, как плющ пришел в движение, его цепкие стебли кружевным узором полностью закрыли проем за спиной. Разве что-то должно меня удивлять после всего произошедшего? Видимо, нет. Что же, посмотрим, куда приведет меня эта дорога.

Глава 11

Некоторое время мы двигались по скалистому туннелю. Перчатка летела впереди меня, то и дело останавливаясь, словно желая убедиться, что я все еще следую за ней. На мгновение мне показалось, что я потерял ее из виду. Но она метнулась в сторону, только чтобы снять со стены старый масляный фонарь. В нем тут же вспыхнул тусклый огонек, но и его было достаточно, чтобы осветить предстоящий путь. Перчатка подняла его высоко над головой, как будто для нее он ничего не весил, и уверенно полетела вперед. Казалось, этому пути через скалы не будет конца. Время потеряло свою значимость. Меня окружали, только влажные каменные стены, поднимающиеся высоко вверх, куда-то в непроглядную даль. Сил двигаться дальше не оставалось, а спросить, когда же мы из него выйдем, я не решался и, вообще... как-то странно разговаривать с перчаткой. Но она как будто поняла мой молчаливый вопрос и в знак одобрения подняла вверх большой палец. И действительно, не прошло и десяти минут, как показался долгожданный просвет.

Меня окутал свежий ночной воздух, наполненный пьянящим ароматом трав. Сердце забилось в нетерпении – хотелось как можно скорее завершить это ночное приключение. Но выйдя из расщелины, я не увидел ни долины, где мы остановились на ночлег, ни огня нашего лагеря, ни ищущих меня людей...

Перчатка привела меня в совершенно другое и особенное место. Стояла все та же безоблачная и звездная ночь, на небосклоне взошла полная луна, осветившая невероятно одинокий пейзаж. Прекрасную, уединенную долину со всех сторон окруженную грядой неприступных Альп. Слева ютилась старинная деревушка, множество каменных домиков, стоявших так тесно друг к другу, что они образовывали узкие извилистые улочки. Некоторые из них превратились в развалины, но большую часть время не тронуло. Из крыш, покрытых темно-серой черепицей, торчали длинные печные трубы, а за невысокими изгородями дремали заросли садовых растений. Ближайший ко мне дом находился где-то в ста метрах, одинокий, с заколоченными окнами, не оставляющий надежды на то, что здесь остались местные жители. Передо мной стоял высокий прямоугольный камень, когда-то надежно укрепленный на теперь почти рассыпавшемся постаменте. Я не сразу обратил на него внимание, но заметив, отпрянул назад, сперва приняв его за надгробие, но это оказалась своего рода приветственная табличка. По кромке каменной плиты скользили вензеля, похожие на плющ, скрывавший проход в скалу, и всего несколько сохранившихся фраз. Мне удалось разобрать немногие из них – большинство выгравированных слов стерлось. Они предназначались для пришедших в деревню – что-то о правилах поведения, и сверху, вероятно, ее название, но по оставшимся буквам прочесть его было невозможно.

Я огляделся в поисках перчатки. «Может, хоть она объяснит, зачем привела меня в это место, где нет ни одной живой души на километры. Кто должен мне помочь вернуться?» – пока мои мысленные вопросы оставались без ответа. Перчатка терпеливо дожидалась, пока я осмотрюсь. Неподвижно висела в воздухе, как дорожный знак, указывая направо вверх по холму. И то, что предстало перед моими глазами, заставило напрочь обо всем забыть.

Величественный средневековый замок возвышался над поселением. Он стоял на скалистом холме, одинокий и прекрасный. Суровая громада из темного камня, скованного цепкими ветвями многолетнего плюща, с высокими башнями и угловыми эркерами, множеством узких стрельчатых окон и глухих ставень. Острые крыши со шпильями, покрытые темно-зеленым сланцем, устремлялись далеко ввысь, бесстрашно пронзая ночное небо. Одной стороной замок вплотную примыкал к скале, что делало его еще более внушительным и неприступным. Я мог разглядеть впереди тяжелые ворота и стеклянный купол огромной оранжереи, от которой исхо-

дило еле уловимое изумрудное сияние и то, что заставило сорваться с места и поспешить за ожидающей перчаткой, – свет в одном из окон самой высокой башни.

Пройдя напрямик через поляну, я ступил на каменную дорогу. Большие плоские булыжники, из которых она была выложена, выглядели отполированными. Вероятно, этой дорогой раньше пользовались постоянно. На редких столбах покачивались масляные фонари, каждый из которых с треском вспыхивал, стоило мне пройти мимо.

Путь до замка занял около получаса. Дорога петляла, заходила в редкий сосновый лес, отчего становилась зловещей и туманной. Но перчатка уверенно летела вперед, не оставляя мне времени на сомнения.

Высокие кованые ворота были приоткрыты. За ними скрывался сквозной коридор, который проходил через Восточную башню и заканчивался выходом во внутренний двор замка. Здесь было все так же тихо и пусто. Двор имел овальную форму и напоминал небольшую площадь, по ее краям шла крытая колоннада, где стояли лавочки и мерцали неярким светом настенные фонари. В центре площади находился старинный колодец с острой высокой крышей, как и у всех башен в этом замке. Из него доносились шорохи и плеск воды. На всякий случай пришлось обойти его стороной – ведь сегодня вечером мне как-то не очень везло у источников...

Перчатка продолжала вести меня дальше через площадь к башне, в которой ранее я видел свет. Перед ее входом рос громадный тис с высокой, плотной кроной и широким стволом. Он прилегал так плотно к башне, что стал с ней единым целым, и определить, что из них появилось здесь раньше – это дерево или каменное сооружение, было невозможно. Подтверждением их дружеского соседства являлась резная дверь, проходившая сквозь ствол дерева. Сразу за ней находился красивый парадный зал, его можно было назвать читальным. По периметру располагались массивные деревянные диваны с мягкими темно-зелеными подушками, несколько журнальных столиков, напольные лампы с абажурами и множество книжных стеллажей, практически полностью скрывавших за собой матерчатую обивку стен с неповторимыми рисунками. Полки провисали под тяжестью старинных книг, толстых альманахов, свитков и древних артефактов.

Из читального зала наверх вела широкая каменная лестница с множеством пролетов, каждый из которых служил выходом на следующий этаж башни. Я поднимался все выше, не переставая удивляться средневековому убранству замка, вдоль стен лестницы висели рога животных, картины, ковры, деревянные панели с искусной резьбой, множество шпалер с загадочными орнаментами.

Следуя за перчаткой, я оказался на нужной площадке и, пройдя небольшой коридор, попал в длинный каменный зал с невероятно высоким сводчатым потолком, как в католическом храме. Между узких окон-витражей висели старинные гобелены с разнообразными вытканными сюжетами, на которых угадывались образы деревни, заснеженных Альп, неизвестных людей и мифических животных. Чтобы рассмотреть их все потребовались бы часы, но моим вниманием полностью завладел самый величественный из них с изображением огромного дерева. И что-то подсказывало мне, что это тот самый тис, растущий у входа в башню. Он занимал почти всю площадь полотна, а на его игольчатых раскидистых ветках красовались десять щитов с гербами. Каждый из них был особенным, отличался по цвету и геральдическому рисунку. В центре зала стоял длинный обеденный стол из темного дерева с расставленными возле него стульями. На его гладкой поверхности возвышался одинокий канделябр с тремя трескучими сильно оплавленными свечами. На меня нахлынула невероятная усталость, хотелось присесть и хоть немного перевести дух. Но перчатка быстро подлетела ко мне и вручила старинный железный ключ. Хотелось узнать, к чему такая спешка, ведь мы и так пробежали насквозь ползамка. Но моя проводница упорно продолжала звать меня дальше. Вдоль правой стены поднималась небольшая открытая лестница, ведущая к коридору с несколькими

дверьми. Перчатка зависла у одной из них, нетерпеливо подергивая за ручку. Вероятно, ее миссия подходит к концу. Долго возиться не пришлось, ключ легко провернулся в замочной скважине, дверь отворилась, и я зашел в уютную спальню. В комнате было тепло, в небольшом камине потрескивали поленья. Противоположную от входа стену почти всю занимало высокое окно, десяток маленьких стекол, соединенных в единое целое изящным, словно кружево, каменным переплетом. Я подошел ближе и отдернул в сторону тяжелую ткань старинных гардин. На улице начался дождь. Погода резко поменялась. Холодные струи с силой хлестали по стеклу, превращая пейзаж за окном в сплошное мутное пятно. Я отошел в центр комнаты и осмотрелся. В углу стояла кровать из черного дерева, заботливо застеленная к моему приходу, с массивным балдахином, бархатным покрывалом и множеством подушек разного размера.

Разве я мог рассчитывать этой ночью на что-то большее? Но то обстоятельство, что я совершенно не знал, где нахожусь, и то, что до сих пор не встретил здесь ни единой живой души, не давало мне в полной мере порадоваться своему спасению и насладиться согревающим теплом, исходящим от разожженного камина. Справа от него находилась маленькая дверь, которая вела в ванную комнату.

Стоило мне зайти внутрь, как масляный фонарь вспыхнул и осветил богатую обстановку: темно-синяя с орнаментом плитка, душ с позолоченным краном в виде павлина, раскинувшего свой царский хвост, небольшой комод из черного дерева, схожий по стилю с кроватью в спальне, и, наконец, большое старинное зеркало. Оно было точной копией, того, которое висело в моей спальне. Но не этот факт заставил меня отшатнуться и обессиленно прислониться к холодной стене. До этого момента казалось оставшихся сил хватит, чтобы продолжить это ночное путешествие, но мое отражение говорило об обратном. Уставшее лицо имело болезненный вид, на щеке красовались несколько ссадин, под глазами пролегли глубокие фиолетовые тени, а разбитая губа до сих пор кровоточила. Все тело содрогнулось – не то от увиденного, не то от мокрой и грязной одежды, которая превратилась в бесформенные лохмотья. Что-то в этом отражении показалось мне знакомым, ощущение дежавю не покидало, хотя, возможно, эта картинка привиделась мне однажды в одном страшном сне и ничего больше. Пришлось сделать над собой колоссальное усилие, чтобы стянуть промокшие насквозь вещи.

Я стоял обнаженный, босыми ногами на холодной плитке, и рассматривал огромную гематому на правом боку. Странно, что я только сейчас обнаружил столь серьезную травму. Каждое прикосновение вызывало жгучую боль. Вероятно, не обошлось без перелома ребер, но в целом могло быть и хуже. Расцарапанные руки и колени сильно саднило, под кожу забились грязь и мелкие камушки.

Я осмотрелся в надежде найти хоть что-то похожее на антисептик. Сейчас бы мне пригодилась старая добрая йодная сеточка – любимый метод моей матери на все случаи жизни. Но на полках в ванной, к сожалению, ничего, кроме большого куска мыла и чистых полотенец, не нашлось. На маленьком табурете, стоящем в самом углу, меня ожидал приятный сюрприз. Стопка сухой одежды – темно-серый костюм из тонкой шерсти, штаны на резинке и широкий свитер. «И на этом спасибо, вполне неплохо», – подумал я, вставая под струи горячего душа. Я бы предпочел джинсы и рубашку, но, похоже, находился сейчас не в той ситуации, чтобы выбирать, и даже не представлял, кого мне стоит благодарить за столь гостеприимный прием. И от этой мучительной неизвестности по телу пробежала волна дрожи, не имеющая ничего общего с температурой воды, падающей на мое измученное тело.

Глава 12

Прикрыв глаза, я долго стоял под душем, наслаждаясь согревающими потоками воды. И только когда почувствовал, что они унесли вместе с собой не только грязь, но и последние остатки холода, перекрыл старый медный кран. Комната наполнилась тяжелым туманом пара, отчего по плитке стекали большие капли, а высокое зеркало полностью запотело. Выходить пришлось очень осторожно, держась за стену – было бы обидно разбить голову в ванной, пережив падение со скалы. Взяв ровную стопку одежды, я с трудом натянул колючий серый костюм на влажное тело. Потом присел на корточки, чтобы рассмотреть свои грязные вещи, вывернул карманы и выложил все на пол. Среди ненужных вещей: использованных проездных билетов, чека с ночной заправки, горстки монет, – я нашел брелок с маячком, на который возлагал свои последние надежды. К моему разочарованию он разбился при падении. Я выпрямился, сдвинул ногой вещи в сторону и хотел уже было идти, но вспомнил про игральную карту, лежащую во внутреннем кармане куртки. Ту самую, из турецкого магазинчика, так загадочно попавшую мне в руки и с тех пор сопровождающую во всех поездках, и даже ставшую своего рода талисманом. Мне хотелось иметь при себе что-то свое в этом богом забытом месте, поэтому карта отправилась под резинку брюк, а я решил для себя, что спать в незнакомом месте, пока не разберусь со всем происходящим, не буду.

В этот самый момент раздался настойчивый стук. Я быстро вышел из ванны, пересек комнату и резко распахнул входную дверь. В коридоре никого – пусто и тихо. Только одинокая перчатка беспомощно висела на дверной ручке, похоже, совершенно не ожидала от меня такой прыти и не успела отлететь в сторону. Меня начали переполнять злость и нетерпение – совершенно редкие для меня чувства.

– Здесь есть кто-нибудь? Покажись! – не выдержав, закричал я во весь голос. Вопрос разлетелся долгим эхом, отражаясь от высоких каменных стен.

Я пошел по коридору в сторону лестницы, ведущей в зал с гобеленом, но остановился на половине пути. Поскольку новую обувь мне никто не предоставил, пришлось вернуться в ванную комнату и забрать свои многострадальные ботинки. Как же не хотелось опять их надевать, но других вариантов у меня просто не было. Как и предполагал, они оказались отвратительно холодными и мокрыми. «Осталось потерпеть совсем чуть-чуть! – подбадривал я себя. – Найду живущих здесь людей, воспользуюсь их средствами связи с внешним миром и получу ответы на вопросы, которых немало накопилось за этот „чудесный“ вечер».

Зал с гобеленами преобразился, в большом камине ярко горели и потрескивали поленья. За столом по-прежнему никого, но теперь над ним летали перчатки невидимых лакеев. Глаза отказывались верить – неужели это и вправду со мной происходит?! Облокотившись на перила каменной лестницы, я не решался спуститься и помешать им. Словно белые голуби, они порхали по комнате, поправляли тарелки, приборы, разливали красное вино в кубки, накрывали ужин на двоих. Это обстоятельство не могло укрыться от моих глаз. И означало лишь одно – вот-вот наступит момент нашего знакомства с хозяином замка. По телу пробежала нервная дрожь предвкушения чего-то мистического. Боялся ли я? Думаю, да, мне было страшно. Но после непростой ночи хотелось с этим всем поскорее покончить. Зачем, в конце концов, оттягивать неизбежное?

К этому залу подходил еще один коридор, заканчивавшийся красивой аркой с великолепной резьбой на каменном портале. Как раз из него и послышались приближающиеся шаги... Я ждал страшного горбуна или монстра, заманившего меня сюда, но в комнату вошел высокий джентльмен. Вначале он не заметил меня или только делал вид, что не замечает, задумчиво обвел взглядом комнату и накрытый стол, не спеша подошел к камину и по-хозяйски поправил дрова длинной кочергой. Затем обернулся и, подняв голову, встретился глазами со мной.

Несколько долгих мгновений мы внимательно рассматривали друг друга, изучая каждую деталь. Этот молодежьавый мужчина, лет на десять-пятнадцать старше меня имел вытянутое лицо с волевым подбородком и правильными чертами, которые, казалось, были высечены из мрамора, пока он стоял вот так бездвижно. Прямой нос, густые брови, глубокие морщины над переносицей, зачесанные темные волосы с почти незаметной сединой доставали до самых плеч... Поверх старомодного черного сюртука, плотно облегавшего его подтянутую фигуру, был накинут темно-зеленый плащ в пол, покрытый каплями дождя. Я, наверное, смог бы оценить его внешность как приятную, насколько может оценить один мужчина другого, если бы не бросающаяся в глаза особенность: радужки его пронизательных глаз имели неестественный белый цвет. Мы молчали. Он сдержанно кивнул.

– Вероятно, мне следует начать наш разговор, – обходя стол, заговорил незнакомец.

Его голос звучал твердо, хотя и с хрипотцой, как после долгой простуды. «Вот они, минусы проживания в замке», – подумал я. Мне стало намного легче оттого, что рядом со мной оказался обычный человек.

– Я понимаю вашу растерянность, мистер Дэниел Гилберт. Слишком много событий для одной ночи... Но, ведь она могла закончиться хуже, чем ужин в замке при свечах, не правда ли? – при этом он гостеприимно развел руками.

– Занятно, что вы знаете мое имя. Ведь ваше мне неизвестно, как и название места, в котором сейчас нахожусь, – мой голос прозвучал не так уверенно, как мне бы хотелось.

– Нетерпеливость свойственна вашему возрасту. Я и сам грешил тем же. Только теперь оглядываюсь и понимаю, что многое упустил, – заложив руки за спину, продолжал хозяин дома. – Неужели так часто выдается возможность оказаться в средневековом замке не на короткой экскурсии, а на неограниченное время и почувствовать себя как дома? – он с нескрываемой гордостью окинул взглядом зал с гобеленом, затем подошел и сел во главу стола, кинув плащ на стоящий рядом стул.

– Действительно, такой случай выпадает раз в жизни... Но поймите правильно мою растерянность, не каждый день меня пытаются убить, сбросив со скалы, – только сейчас, произнеся это вслух, я начал осознавать, что действительно со мной произошло.

Он пристально посмотрел на меня и молча кивнул. Потом о чем-то задумавшись, поправил столовые приборы, развернул салфетку и постелил на колени. В этот момент мое внимание привлекла его левая рука с надетой черной перчаткой – точной копией моей спасительницы. Словно слыша мои мысли, он стянул ее и бросил на стол. Она лежала неподвижно, в отличие от ее вездесущей напарницы.

– Так это вас я должен благодарить за свое спасение? – удивленно глядя на перчатку, воскликнул я.

– Отрадно слышать, что все еще могу быть кому-то полезным... – он поднял бокал: – Флориан Фар, к вашим услугам.

Я спустился с лестницы и подошел к столу.

– Садитесь... Даю слово, что никто вас не тронет... Хотел бы, еще на том обрыве дал бы вам хорошего пинка... – неожиданно с раздражением в голосе сказал он и сделал большой глоток из кубка. – В знак благодарности за спасение поужинайте со мной. Уже и не помню, когда ел не в одиночестве... Черт тебя дери! Да сядь же ты!

Я молча сел за стол, уставившись перед собой. Эта сцена напомнила мне наши с отцом перепалки в те темные времена моей юности, когда я выступал против всего, что он мне предлагал. В особенности это касалось планов на будущее. Отец упорно настаивал на продолжении рода архитекторов, я же грезил открытым морем. Много времени проводя на маяке и наблюдая, как в марину заплывают судна на ночевку, мечтал так же ходить под парусом и освоить все премудрости яхтенного дела. В выходные дни клеил модели кораблей, читал статьи разных путешественников, их отчеты о пройденных регатах и намеревался пойти в школу яхтинга.

– Возможно, это прозвучало довольно резко, прошу меня простить. С годами все больше и больше становлюсь подвластным эмоциям. Нам совершенно ничего не мешает спокойно поужинать и потом осмотреть замок, – пытался загладить свой неуместный тон загадочный хозяин.

– Осмотреть замок? Сегодня? Не хочу показаться неблагодарным, но уже глухая ночь, а я надеялся связаться с внешним миром и покинуть это место как можно скорее. До того, как обнаружат мое исчезновение и сообщат об этом родным и близким. Хотелось бы уберечь их от подобных переживаний... – я отодвинулся от стола. Сон как рукой сняло... И аппетит тоже пропал напрочь...

– Я так понимаю, вы пока не осознаете, где находитесь... Трудно не заметить, что в наших местах туристов встретишь нечасто. И навряд ли в замке получится отыскать телефон, – спокойно продолжал мистер Фар, принимаясь за ужин.

Он медленно пережевывал запеченного гуся, внимательно наблюдая за моей реакцией.

– Если нет телефона, тогда буду вам очень признателен, если вы, – конечно, как закончите ужин, – покажете мне дорогу из этой богом забытой деревни, чтобы я мог нагнать свою команду.

– Что вы заладили – команду, команду... Разве не интересней пожить в замке, чем мерзнуть в палатке и делить обед с неудачником-убийцей? У меня есть для вас предложение. Побудьте моим гостем несколько дней, а потом я выведу вас на кратчайший путь к вашей группе. И вы их нагоните или перегоните... как получится... – он провел рукой по волосам и поправил крахмально-белые манжеты с золотыми запонками.

Я не знал, как правильно поступить в сложившейся ситуации. Начинало казаться, что других вариантов просто нет, и он меня никуда непустит, а бежать, если честно, сил не было.

– Что же, если это единственная возможность вернуться, тогда придется принять ваше предложение, – согласился я, но в душе возникло тревожное предчувствие.

– Несомненно, это правильное решение. Вы не пожалеете, – сказал спокойно мистер Фар, не выказывая радости, но его бесцветные глаза вспыхнули зловещим огоньком.

– Отлично. Если мне теперь некуда торопиться, думаю, пришло время отдохнуть.

Я поспешил в свою комнату и, как только оказался внутри, захлопнул дверь и задвинул большую кованую щеколду, которая вряд ли кого-то в этом замке могла остановить, хотя очень хотелось на это надеяться. За сегодняшний вечер стали понятны несколько вещей: во-первых, о возвращении в лагерь на время придется забыть, во-вторых, это место наполнено невероятными вещами, в которые просто невозможно поверить, и, в-третьих, Флориан Фар далеко не так прост, каким пытался показаться на ужине.

Я подошел к кровати, скинул подушки и покрывало на пол и лег на белое постельное белье. Поначалу сон никак не хотел приходиться, слишком много переживаний для одного вечера, но усталость брала свое, наполняя тело свинцовой тяжестью, монотонный шум дождя убаюкивал, и я почувствовал, как постепенно проваливаюсь в глубокий сон.

Глава 13

Когда я проснулся, на улице рассвело. По небу плыли тяжелые кучевые облака, сквозь них время от времени проглядывало солнце, погода опять изменилась. Огонь в камине давно потух, а остывшие угли испускали лишь тонкую струйку дыма. В комнате заметно похолодало. Я натянул одеяло повыше, желая хоть ненадолго продлить сладкий утренний сон. Но сквозь дремоту постепенно начали возвращаться воспоминания о событиях вчерашнего вечера. Им удалось разбудить не только меня, но и щемящее чувство тревоги.

Снедаемый беспокойством, я вылез из кровати, подошел к окну и раздвинул в стороны тяжелые гардины.

При свете дня замок с его многочисленными башнями, внутренний двор и весь окружающий пейзаж выглядели намного гостеприимнее. На площади появился мистер Фар. Он уверенно шел по каменной брусчатке, держа в руках длинный металлический шест, полы его темно-зеленого плаща развевались за его спиной от резких порывов осеннего ветра, делая его похожим на средневекового рыцаря. Остановившись у колодца, он перегнулся через его край и опустил внутрь шест, затем отпрыгнул назад, обошел его с другой стороны и повторил те же действия. Этот замысловатый танец у колодца показался мне забавным. Мне захотелось поскорее спуститься к нему и узнать, в чем собственно дело.

Мои старые вещи за ночь успели высохнуть у камина, но стали неприятно одеревеневшими, несмотря на это, пришлось одеться и в таком виде выйти из комнаты.

Зал с гобеленом был наполнен светом, он проникал сквозь витражи, окрашивая все разноцветными красками, в его лучах под сводчатым потолком неспешно кружились пылинки. На столе ожидал незамысловатый завтрак: толсто нарезанная буженина, зелень с овощами, хлеб и – не верю своему счастью! – металлический чайник с кофе. Я тут же спустился к столу, схватил хлеб с куском отрезанного мяса и налил в кружку бодрящий напиток. И только когда приятное чувство сытости растеклось по всему телу, решил, что пора идти дальше, на этот раз воспользовавшись коридором, из которого вчера вечером появился хозяин замка. И не ошибся – это оказался более короткий путь к выходу во внутренний двор. К счастью, Флориан Фар все еще был у колодца, и я сразу направился к нему.

– Извините, вам нужна моя помощь? – обратился я к мистру Фару.

– А-а-а, Дэниел, вы уже проснулись! Возможно, и стоит вас привлечь, – он на секунду задержал на мне задумчивый взгляд, затем одобрительно кивнул.

В дневном свете Флориан Фар выглядел старше, чем мне показалось вчера вечером. Кожа – тонкая и бледная, глаза – уставшие и безрадостные, и все такие же пугающе бесцветные... Он вытащил шест из колодца и подозвал поближе, чтобы я мог заглянуть внутрь.

– Вот, полюбуйтесь! После такого ливня уровень воды поднялся, и эта зараза чуть не выскочила.

– Зараза? – я наклонился ниже, чтобы рассмотреть то, о чем он говорит.

На неровных каменных стенках колодца сидело непонятной формы существо. Все тело темно-зеленое и одутловатое, на загривке, словно шерсть, длинные водоросли, а глаза выпуклые, раза в три больше человеческих. Они располагались высоко на круглой голове рядом с прижатыми тонкими ушками. Завидев мое испуганное выражение, оно растянуло свой широкий рот в довольной ухмылке, обнажив ряд редких желтых зубов. Я в ужасе отпрянул назад, не желая больше приближаться к этому месту, и вопросительно посмотрел на мистера Фара.

– Болотный черт, будь он не ладен! Поймал его неделю назад на окраине деревни. Этот гад ползал везде, вынюхивая что-то, и рыскал по домам, – брезгливо поморщился хозяин замка.

– А как он здесь оказался? – поинтересовался я, стараясь держаться подальше от колодца.

– Естественно, не без моей помощи. А что мне оставалось делать? Не оставлять же его там без присмотра! Все руки надорвал, пока дотащил его до замка. Черт рвался на свободу из последних сил и все норовил вцепиться мне в шею и задушить. Ничего лучше не придумал, чем сбросить эту тварь в колодец. Хотя теперь вот – постоянно приходится следить, чтобы он не выскочил, сгоняю шестом на дно по нескольку раз в день. Определенно пора найти для него отдельную клетку, – рассказывал мой собеседник, как о чем-то обыденном.

– Действительно, не стоит отпускать его... Только от одной мысли, что он свободно ползает по территории замка, мурашки по коже, выглядит он премерзко, – мне расхотелось помогать мистеру Фару.

– Раз уж вы пришли, возьмите там, у стены второй шест. Вдвоем мы справимся быстрее. А потом предлагаю ознакомиться с замком и окрестностями.

Я неохотно согласился на его просьбу.

Мы склонились над краем колодца и поочередно толкали болотного черта. Он цепко держался за скользкую поверхность стен, шипел и плевался зловонной жидкостью. Жуткое существо упорно карабкалось вверх, но Фар в итоге удачно зацепил его за задние лапы, и тот свалился в воду, точно подкошенный, подняв столб брызг.

– Это задержит его на полдня точно, потом подумаю, куда его деть, – сказал мистер Фар, отряхивая забрызганный сюртук. – Пойдемте, покажу вам оранжерею.

И не дожидаясь моего ответа, резко развернулся на каблуках и быстро зашагал через площадь. Пришлось поспешить за ним, чтобы не остаться наедине с болотным чертом; из глубины колодца послышался плеск воды и недовольное кряхтение.

Мы обогнули Главную башню и очутились у высокой каменной арки, которая разграничивала пространство обширного внутреннего двора. Над ее сводом висел внушительного размера щит с хорошо сохранившимся рельефным изображением орла, поднявшим вверх расправленные крылья. Над ним – россыпь звезд, а в лапах зажата ветка тисового дерева. Я ненадолго задержался, разглядывая причудливый герб, а затем направился вслед за мистером Фаром. Он стоял в центре второй площади, где в нескольких метрах над землей возвышалась скульптура из черного мрамора – двое мужчин, стоящих спинами друг к другу, первый в плаще с капюшоном и книгой, второй в обычной одежде со скрещенными руками на груди. «... Почет и уважение тем, кто не отрекся, сохранность тайны превыше всего...», – гласила надпись под ними.

– Плащ очень похож на ваш, – я с любопытством рассматривал каменные изваяния неизвестных мне людей.

– Раньше такие носили все, кто жил в поселении, – он грустно вздохнул, положил руку на грудь и почтенно склонил голову перед изваянием мужчины с книгой.

Мы двинулись дальше. Прямо за площадью открылся чудесный вид на оранжерею. Огромная стеклянная конструкция, похожая на крышку сахарницы, предстала перед нами во всей своей красе. Ее купол поблескивал в солнечных лучах, скрывая зеленый оазис, занимающий значительную часть замка. У самого входа стояла вереница деревянных тележек, набитых всевозможными пробирками и склянками. Часть из них была разбита, часть – грязной или заполненной темно-зеленой жидкостью.

– У меня тут небольшой беспорядок, – Фар взял одну пробирку и взболтал ее содержимое. – Профессор Дирри был бы в ярости, увидев, что стало с его любимой оранжереей, в которой он так долго проработал. Но мне одному просто не под силу сохранить все растения в надлежащем виде, только самые редкие и необходимые получают достойный уход.

Стоило зайти внутрь, как меня окутал теплый воздух и тропическая влажность, и – я уверен, мне не показалось, – увидел, как несколько кустов втянулись в землю.

– Не обращайтесь внимания, это Застенчивые фикусы. Польешь их раз, и они перестанут бояться, – хозяин замка вел меня по узкой дорожке в дальнюю часть оранжереи, – а вот мое

любимое и самое ценное растение – Вдыхающие ретинолли. Именно благодаря им мы с вами сейчас разговариваем.

Он показал на пышный зеленый куст, из которого торчали длинные стрелы с сиреневыми цветками, похожими по форме на каллы. Их маленькие бутончики слаженно поднимались и опускались, словно дышали.

Пока Флориан Фар заботливо поливал и рыхлил землю в деревянной кадке, я осмотрелся. Под бескрайним стеклянным потолком раскинулся невероятный зеленый массив – столетние деревья с огромными кронами, смыкавшимися под потолком сплошным непроницаемым шатром, лианы, свисающие длинными витиеватыми плетями, кустарники и цветы. Мне понравились красные, похожие на пионы. Внизу каждого яркого бутона торчал с десятков длинных цепких корешков. С их помощью они ловко передвигались по веткам. Стоило мне подойти ближе, как они дружной стайкой заползли повыше на дерево.

– Если вам здесь понравилось, вернетесь сюда позже. Давайте еще пройдемся, – мистер Фар закончил свои дела и подошел ко мне.

В руках он держал глубокую тарелку с сорванными сиреневыми цветками. Они выпустили свои тоненькие язычки-тычинки и пытались дышать, правда, теперь, это у них не так хорошо получалось. Они выглядели как бьющиеся на берегу маленькие рыбки.

– Вернемся в замок. Мне необходимо добавить этот ингредиент, пока они не перестали дышать.

– Это звучит жестоко, – я смотрел на умирающие цветки.

– Ну, выбирать не приходится. Либо я, либо они... Идемте же скорее. Заодно посмотрите мой кабинет...

Пересекая площадь, мистер Фар опять на секунду задержался у статуи двух мужчин и прижал ладонь к груди, затем уверенно направился к замку. Однако он повел меня не к главному входу, а свернул к маленькой неприметной дверце. Сразу за ней начиналась крутая винтовая лестница, куда свет проникал через узкие бойницы, отчего здесь царил полумрак. Мы поднимались все выше по каменным ступеням, минуя пролет за пролетом – очевидно, кабинет хозяина замка находится на самом верху башни. Добравшись до последней площадки, мистер Фар схватился за железное кольцо кованой двери, обернулся ко мне и взволнованно выпалил:

– Честно говоря, не думал, что способен волноваться, но знаете, Дэниел, я возлагаю на вас большие надежды. После стольких лет ожидания! Человек заходит в мой кабинет, чтобы, возможно, изменить историю!

В таких непонятных ситуациях всегда на ум приходили слова Мэтта. Он обычно находил что сказать, чтобы разрядить обстановку. Я же вечно принимаю все близко к сердцу. Например, слова, сказанные хозяином замка, мне ой как не понравились... Хотя бы потому что явно не предвещали моего скорого возвращения домой...

Мы вошли в просторную вытянутую комнату. С потолка свисала массивная хрустальная люстра. Большинство кристаллов на ней отсутствовало, а те, которые остались, были покрыты толстым слоем пыли. Тяжелые бархатные шторы были отдернуты, через грязные оконные стекла пробивался неяркий свет, который освещал высокие стеллажи с книгами, пробирками, баночками с различным содержимым и котелками разных размеров. В центре комнаты стояло несколько столов и стульев, что напомнило мне школьный класс. Флориан Фар прошел к своему столу и высыпал цветы, сорванные в оранжерею, в котел, стоящий на огне. Я еще раз осмотрелся и понял, что первое впечатление о грандиозном беспорядке было ошибочным. Каждый стеллаж подписан, пробирки пронумерованы, а на столе, где подогревался котелок, ни пылинки. Мистер Фар опять поправил свои идеально белые манжеты, налил в бокал получившуюся жидкость и, скривившись, сделал глоток. Мы подошли к окну. Отсюда открывался замечательный вид на всю долину, заброшенную деревню, большую часть замка и даже площадь со статуей.

– Вас они заинтересовали? – спросил Фар, проследив за моим взглядом.

– Да... Хотелось бы узнать, кто эти люди... Да и, честно сказать, пришло время объяснить мне, что, собственно, происходит. Вы водите меня по замку, совершенно ничего не рассказывая. Пора бы уточнить условия моего возвращения домой.

– Итак, правильной будет начать историю с этих двух мраморных джентльменов, – проигнорировал мой вопрос насчет возвращения домой хозяин замка. – Эти двое, Стефан и Георг, братья по крови, но не по духу. Любимые сыновья своего отца, они тратили все время, чтобы возвыситься в его глазах. Отец же их был необычным человеком. Он от рождения владел искусствами, позволяющими ему иметь власть над одушевленными и неодушевленными предметами. В ваших сказках и историях таких называют волшебниками или колдунами. И как бы ни старались эти двое походить на него, сразу стало понятно, что один из братьев, Стефан, по волшебной силе превосходит другого. Георг не смог смириться с чужим успехом, черной завистью наполнилось его сердце. Он возненавидел силу свою и отца с братом, что в дальнейшем привело их к расколу. Он поклялся сделать все, чтобы истребить таких, как его родные, доказать, что и без магических способностей можно добиться всего, чего пожелаешь. К удивлению, нашлись те, кто его поддержал, они принялись уничтожать книги, рукописи и учения, стирали из памяти поколений веру в сверхъестественных мифических существ, в волшебное и все необычное. Обыденное и простое стало для них настоящей ценностью, а если кто-то выбивался за рамки установленных правил, его настигала кровавая расправа. Всем известные гонения на ведьм, инквизиция – все это отголоски их действий. Другой же брат сконцентрировал свои силы на сохранении магического наследия. По всему миру стали возникать небольшие поселения волшебников, надежно скрытые от человеческих глаз. Наша деревня Крамблроу – одна из них. Так как отсюда началась история этой семьи, она стала столицей великого Содружества десяти поселений. Раз в десять лет в этом замке собирался большой совет для обмена знаниями, для обсуждения правил и стратегии поведения среди обычных людей. Мы долго сохраняли свои секреты, но время шло и все больше наших уходило жить в обычные города, поскольку стало проще притворяться человеком без магических способностей, чем жить в таком отрезанном от реальности мире. Деревня пустела, юные волшебники уезжали, их влекли огни больших городов. Последний совет, на котором встретились десять глав поселений – не как знакомые, а как добрые друзья, – состоялся около пятидесяти лет назад. Тогда они приняли окончательное решение: запечатать все тайны, постараться укрыть все возможные секреты до лучших времен. Не знаю, как другие волшебные деревушки, а наша, как ты заметил, опустела совсем. Раньше я работал в замке специалистом по всевозможным снадобьям и травам. С самого детства меня увлекали растения, они слушались и разговаривали со мной. Все свободное время я проводил в родительском саду, а к пятнадцати годам знал наизусть рецепты большинства известных настоек, описанных в книгах. После прохождения обучения и практики меня пригласили в Крамблроу. Раз в три года мне позволялось набирать небольшую группу для стажировки. Самые достойные оказывались в моем классе, чтобы перенять знания и драгоценный опыт.

– Подождите, так вы, получается, не хозяин замка? – удивился я.

– Если у вас возник вопрос только по этому поводу, то это очень хороший знак, Дэниел.

– Вы имеете в виду, почему я не спрашиваю, зачем вы рассказываете сказки про волшебников? Наверное, потому, что вижу ваше лицо, и понимаю, что вы свято верите в то, что говорите. Не вижу смысла вас в этом переубеждать.

– Так вы считаете услышанную историю выдумкой?

– Я уже и сам не знаю, во что верить... Однако, еще вчера мне было неизвестно о существовании этого замка, а теперь стою здесь и разговариваю с вами. Если только это не пограничное состояние между жизнью и смертью.

– Не волнуйтесь, вы живее всех живых.

– Приятно слышать. Так значит, эта деревушка зовется Крамблроу и символ ее – парящий орел с тисовой ветвью?

– Именно так. Ходят легенды, что волшебный орел был ручной птицей самого мага Стефана, и так как замок принадлежал его семье, мы начали использовать изображение этой гордой птицы. Каждое поселение имело свой герб. Все они вытканы на гобелене, который висит в обеденном зале. Здесь в замке жила миссис Мира Вильсон – прямой потомок волшебника Стефана, ей перешел по наследству этот замок. Как глава Крамблроу, она состояла в совете Содружества десяти поселений, искала скрытые таланты, надеясь увеличить количество волшебников. А еще имела увлекательное хобби – поиск особенных редчайших растений и животных, порой единственных в своем роде. На пару с профессором Дирри они создали оранжерею, где и собрали эту великолепную коллекцию.

– Вы так говорите, как будто все это наблюдали лично. Но если последний совет состоялся пятьдесят лет назад, то сколько же тогда вам лет? Вы не выглядите старше пятидесяти.

– К этому вопросу мы еще вернемся... Могу сказать одно – мне действительно повезло все это видеть самому, и жалею, что не постарел вместе с моими коллегами и друзьями. Но цель оправдывает средства.

– Вы говорите загадками, мистер Фар. Не думаю, что располагаю достаточным временем, чтобы пытаться их разгадать, – я устало вздохнул, продолжая смотреть в окно, просто не веря, что такой большой замок до сих пор не был обнаружен.

– Эх, мистер Гилберт, если бы вы могли увидеть эту деревню в первоизданном виде, в ее расцвете! Чудеса творились на каждом шагу, интереснейшие волшебники жили целыми семьями, это был мир, в котором возможны любые чудеса.

– Звучит как очередная ваша сказка...

– Но посмотрите вокруг, вы же сами видите замок и деревню? Они настоящие!

– Я скорее сомневаюсь в существовании самого волшебства. Простите, но, мне кажется, вы слишком долго живете один. А мне нужно в него поверить, чтобы вернуться домой?

– Условия возвращения обсудим позже, – недовольно бросил мистер Фар.

– Позже мы ничего обсуждать не будем, – я отошел от окна и внимательно посмотрел на собеседника.

– Предлагаю отобедать, вы явно устали, – как ни в чем не бывало предложил он.

Флориан Фар опять подошел к котелку, зачерпнул маленьким ковшиком остывший отвар и, наполнив металлическую фляжку, вышел из комнаты. Мне совершенно не нравилось участвовать в его исторических экскурсах. Возможно, при других обстоятельствах, дай он мне мобильный телефон позвонить родным или хотя бы проводнику, я обрадовался бы шансу детально рассмотреть замок с его убранством, бесценными картинами и книгами. Но в том положении, в котором я оказался, невозможно было в полной мере насладиться выпавшей возможностью. Видимо, придется выбираться отсюда без его помощи.

Я молча следовал за мистером Фаром, проходя через анфиладу когда-то роскошных залов замка. Один из них – просторный бальный зал с высоким сводчатым потолком, украшенным нервюрами и великолепной росписью, представляющей собой настоящее произведение искусства – как громадная картина звездного неба с очертаниями созвездий, Млечного Пути, пролетающих комет, все искрилось золотым на темно-синем фоне. Остановившись в центре зала, я запрокинул голову вверх и не мог оторваться – с такой четкостью все было передано. Словно потолка и не было вовсе, а надо мной раскинулось ясное ночное небо. Но пришлось идти дальше. Я напоследок оглянулся, стараясь запомнить все в деталях. Следующей на пути оказалась башня без этажей – как огромный колодец, по периметру которого поднималась узкая каменная лестница, имеющая небольшие площадки у каждой картины. Они висели вдоль нее, практически полностью заполняя всю поверхность каменных стен. У меня перехватило дыхание – их насчитывалось больше сотни! И самое удивительное, что на них изобра-

жались только двери: круглые, квадратные, старинные, кованые и каменные, разных цветов и размеров. Могу поклясться, что ничего подобного нигде раньше не видел... Я нашел взглядом мистера Фара. Он стоял у выхода из башни и молча наблюдал за мной.

– Это место называется Башня путешествий. Картины – это волшебные порталы. Каждая из них подписана названием места, где реально существует изображенная дверь. Такие полотна могли создавать только невероятно искусные мастера-волшебники. Эти картины зачарованы только на выход, а вернуться в замок можно через каменную арку, находящуюся в деревне.

– Невероятно, – прошептал я. – Так вы же можете оказаться где пожелаете! Зачем тогда остаетесь в одиночестве в этом замке? Если все рассказанное вами правда, я могу вернуться домой, найдя наиболее близкую по местоположению дверь?

– Когда-то это и правда было реально, но последние несколько десятков лет башня – обыкновенная галерея картин и ничего больше. Вначале некоторые перестали функционировать по причине исчезновения настоящих существующих дверей, другие намеренно запечатали, а в оставшихся постепенно иссяк песок для путешествий, который позволял ими пользоваться, – продолжал свой рассказ Флориан Фар, при этом он поднялся по лестнице на несколько пролетов и остановился у одной из картин.

Мистер Фар провел рукой по длинной пустой колбе, прикрепленной к стене железными обручами в виде когтистых орлиных лап. Я присмотрелся. Оказалось, что рядом с каждой картиной находилась идентичная.

– Чем отдаленнее место назначения, тем ценней песок для путешествия использовался, – хозяин замка отряхнул руки от пыли и с грустным лицом спустился ко мне.

– Послушайте, Дэниел, не могу больше держать вас в неведении. Уж слишком долго я ждал этого момента. Всем сердцем рассчитываю на вашу помощь. Если мы начали говорить о времени, то предлагаю пройти в гостиную, где вы услышите мой рассказ.

– А у меня есть выбор? – ответа я не ждал. Его, естественно, и не последовало.

Мы прошли в западное крыло, где расположились в уютном зале с коричневыми кожаными диванами. Эта часть замка постепенно наполнялась светом, перевалившего за полдень солнца. Полосы света пробивались сквозь высокие, узкие окна, освещая стеллажи с книгами, круглые деревянные столики, стеклянные фонари с заплывшими свечами, пыльные бокалы, когда-то оставленные здесь жителями замка. Флориан Фар сел напротив меня и осторожно поднял стеклянную колбу, под которой лежала книга в кожаном переплете. Он бережно погладил ее по корешку, но не открыл, а просто положил ладонь на обложку и посмотрел на меня.

– Дэниел, вы не представляете, насколько сильно эта книга изменила мою жизнь. И до сих пор меняет... Возможно, это не мое спасение, а мое проклятье. Но если бы я не нашел ее под половицей одной из здешних спален, то прожил бы свою одинокую волшебную жизнь и не понял, что совершил ужасную ошибку. Поверьте, тогда мне искренне казалось, что я поступаю правильно, дарю свободу, а в итоге обрел на невероятную сердечную боль не только себя, но и ту, которой принадлежал этот дневник.

Я опустил глаза на книгу, которую он так бережно держал в своих руках. Вот уж чего я точно не ожидал услышать, так это историю душевных терзаний. Ведь сам отправился в горы, чтобы забыть прошлые обиды, залечить сердечные раны, а тут меня угораздило наткнуться в затерянном богом месте на такого же несчастного. Видимо, нет разницы, обычный ты человек или волшебник – никто не скроется от невероятной силы любви.

– Теперь понимаю, что в те молодые годы вел себя невероятно глупо и самоуверенно. Ничто не могло изменить моего решения. Я был на хорошем счету у главы поселения, учил подростков своему мастерству, периодически выступал на совете Содружества, волшебники знали меня и уважали. Тогда я уже жил в замке, в комнате над кабинетом, где преподавал, – мы с вами там побывали – и планировал связать свое будущее только с книгами и снадобьями. Мне действительно удалось добиться значительных успехов в этой области. Одним из подтвержде-

ний этому является факт того, что я сейчас разговариваю с вами, – он внимательно посмотрел на меня, наверное, ожидая какой-то реакции, но не увидел ничего, кроме застывшей угрюмой гримасы на моем лице.

– Продолжайте, мистер Фар. Надеюсь, мы закончили блуждать по замку, и, наконец, пришло время, чтобы выслушать вас.

Откинувшись на спинку дивана, я скрестил руки на груди в ожидании рассказа, который откроет мне глаза на происходящее. Определенно, чем раньше я узнаю, чего от меня хотят, тем раньше смогу попасть домой.

– Вы правы, наша экскурсия слегка затянулась. Итак, слушайте. Сейчас в моих руках не просто книга. Это дневник, совершенно случайно найденный в замке и перевернувший мое отношение к одной из переломных ситуаций в жизни. Если бы не он, скорее всего, до сих пор считал бы, что, как и всегда, принял правильное решение, – продолжил Фар, с трудом сдерживая волнение в голосе.

– Может быть, стоило не нарушать железное правило – не читать чужие дневники, и проблемы бы не было вовсе? – возмущенно поинтересовался я у своего собеседника.

– В какой-то степени вы правы, но сделанного не вернуть, и случилось так, как случилось. Правда, с вашей помощью я хочу все исправить. Но для начала мне придется попросить вас тоже нарушить это правило и прочитать дневник. Пока вы не окунетесь в эту историю и не будете знать все от и до, вы не сможете мне помочь, – при этом он протянул мне книжку и с надеждой ждал моего решения.

– Определенно мой ответ – нет. При всем уважении, мистер Фар, это совершенно не мое дело, кто и что там написал.

– Это не будет подло или некрасиво. Вы не знали этого человека, да и, в конце концов, живете совершенно в другое время. Ведь не считается зазорным прочитать биографию известного человека, ознакомиться с оригиналами писем или рукописей.

– И о каком временном отрезке идет речь? – поинтересовался я, все еще не понимая, во что он пытается меня втянуть.

– Дайте подумать... В тот год мне исполнилось тридцать шесть лет. Дневник я нашел спустя двадцать лет после описанных событий. И чуть меньше ста лет успешно продлеваю жизнь настойкой из ретинолли в надежде вернуть то, что необдуманно потерял.

– И что же это? – не успокаивался я.

– Любовь, Дэниел... Настоящую, единственную и искреннюю. Так жаль, что я понял это спустя столько лет!

– Мне неловко, мистер Фар, от ваших признаний. Мы друг другу абсолютно чужие люди, и такие откровения совершенно ни к чему. Представить не могу, на какую помощь вы рассчитываете. И не очень понимаю, как такое возможно – прожить столько лет. Это действительно так, как вы говорите? Вам что, около ста пятидесяти лет?

– Я давно сбился со счета... Не помню даже, столько лет прошло... Но вам предстоит еще и не в такое поверить. Сегодня этот замок и деревушка, – жалкий отголосок былого величия Крамблроу, чудесного места, где волшебники жили и работали...

– Если честно, все это похоже на бред. Я вас не виню и не хочу оскорбить, поверьте, но, опять же, повторюсь – мне кажется, вы слишком долго прожили в одиночестве, вам мерещится выдуманная сказочная жизнь, и год идет за десять лет. Ну, расстались вы с кем-то... Но это же не беда, идите дальше, найдите еще кого-то. Вы еще не так стары, как хотите казаться, – пытался я уговорить мистера Фара.

– Я не о многом прошу, прочтите, просто прочтите! И мы сможем решить, как нам дальше поступить. Точнее, я знаю, как, но вы тоже должны быть в курсе всех событий, которые тогда происходили.

– Мне интересно, почему я вообще что-то должен? Вы мне предлагаете прочитать дневник, в котором приличное количество страниц, но ведь это займет как минимум весь день и ночь. Возвращение домой на сегодня откладывается?

– До того момента, как ваша группа закончит маршрут, еще около десяти дней, так что можете спокойно начать читать.

– Интересно, откуда вам это известно? Что мешает проводнику подать сигнал бедствия, как только он обнаружит, что я пропал?

– На этот счет можете не беспокоиться. Могу гарантировать, что еще никто из внешнего мира не в курсе происшествия.

– Забавно... Я бы не назвал попытку сбросить меня со скалы происшествием. В конце концов, сейчас среди моей группы находится убийца. Что ему еще придет в голову, неизвестно. Бедная Мэри... – мой голос дрогнул и оборвался.

– Мэри? Эта ваша возлюбленная? – спросил мистер Фар, придвинувшись ближе.

Его лицо озарилось надеждой, по-видимому, он хотел воспользоваться внезапно всплывшей информацией, чтобы в дальнейшем мной манипулировать. Сейчас почему-то он показался мне жалким стариком, который пытается вернуть впустую потраченные годы.

– Вы меня не так поняли. Нет у меня никакой возлюбленной, а если и была, то вы стали бы последним человеком, с кем бы мне хотелось это обсудить, – я уперся локтями в колени и закрыл ладонями лицо.

– Вы устали, Дэниел... Возможно, вам следует отдохнуть, а потом мы снова вернемся к нашему разговору.

Я поднял голову и увидел, что он все еще держит в руках дневник. «А Флориан Фар очень настойчив... Похоже, рано или поздно он заставит меня прочесть эту книгу. Придется играть по его правилам, если хочу узнать, зачем меня здесь удерживают. Хотя бы некоторое время...» – я протянул руку за книгой. Мистер Фар не ожидал так скоро получить мое согласие, отчего по его взволнованному лицу пробежала неконтролируемая дрожь. Наши взгляды ненадолго задержались друг на друге, затем он медленно встал, передал мне дневник и отошел к окну, где остался молча наблюдать за прекрасным видом, открывающимся с этой части замка. В гостиной воцарилась гробовая тишина, я мог слышать свое дыхание. «Ну что же, если цена возвращения домой – эта книга, тогда начну читать ее прямо сейчас, и пусть хозяин замка только попробует удержать меня здесь после!» Я провел рукой по изрядно потертой кожаной обложке. Состояние книги говорило о том, что ее очень часто перечитывали. Я посмотрел на мистера Фара, но его в комнате не оказалось. Решение оставить меня в одиночестве показалось мне правильным – последнее время нетерпеливое выражение на его лице начинало меня раздражать. «Ну, приступим... Что же это за история такая, что обрекла волшебника на столетие мучений?» Забавно, но мне явно становилось легче – за последние сутки я ни разу не вспомнил о Софии. Может, все, что со мной происходит, и будет началом исцеления... Я открыл дневник.

Листы были грубыми и пожелтевшими. На первой странице красовался довольно подробный рисунок замка и его окрестностей. Правда, на изображении он выглядел намного приветливее – на пиках остроконечных крыш развевались длинные флаги, а на середине каменной дороги стояла небольшая башенка, около которой собралась небольшая очередь. Сейчас от нее остались лишь развалины. Следующие страницы были полностью исписаны ровным красивым почерком. Черные чернила навсегда впечатались в бумагу и сохранили эмоции, чувства и жизнь того, кто так трепетно выводил каждое слово. Я еще раз окинул глазами комнату, готовясь окунуться в историю, которая так тесно связана с этим местом. Прислушался к замку – он по-прежнему был тих, все как будто замерло, стараясь не мешать мне в этот час. Подумал о мистере Фаре. Интересно, чем он сейчас занят? Сидит в своем кабинете? Или вспомнил о болотном черте в колодце и занялся им? Затем мои мысли унеслись в сторону дома, к

близким людям и друзьям. Они ведь даже представить не могут, куда меня занесло! Даже этот поход в горы стал для них чем-то из ряда вон выходящим – все как-то странно переглядывались и перешептывались. «Лучше уж горы, чем совсем с ума сойти после расставания с этой девушкой. Он и сам скоро поймет, что она и мизинца его не стоит», – как-то долетели до меня обрывки телефонного разговора моей матери. Это было в тот раз, когда родители приезжали в Вену и застали меня в плохом расположении духа. Отец особо не переживал – он видел, что все свое время я провожу на работе, и это его более чем устраивало...

Затем я вспомнил про свою группу. Интересно, как они там? Как общее настроение после потери одного из членов команды? Что говорит Когрович? Подбадривает их или идет молча, злясь на самого себя за то, что допустил подобную ситуацию, иногда с подозрением посматривая на невозмутимого Тима, на молчаливых ребят и на Мэри с заплаканными глазами. В моих мыслях она, естественно, очень горевала. Что ж... Возможно, после такого путешествия мне и самому захочется что-то написать, дабы не забыть со временем все подробности произошедшего. Я вернулся к дневнику, готовый полностью окунуться в историю, которая скрывалась на его страницах...

Глава 14

Дневник Кэтрин.

Я никогда раньше не вела дневник... Хотя это и не дневник вовсе, это просто отрезок моей жизни, изложенный на бумаге, чтобы иметь возможность иногда возвращаться и переживать все эмоции снова.

Стояло раннее сентябрьское утро. Воздух еще не прогрелся как следует и казался слишком холодным для начала осени. Небо над головой было молочно-голубое, с белыми прожилками перистых облаков, а на востоке разгоралось ярко-алым. Только что, пройдя через перемещающую арку, сияние которой за моей спиной еще не успело погаснуть, я оказалась на мощенной камнем площади и не смогла сдержать счастливой улыбки. Известная всем волшебникам деревушка Крамблроу с забавными, очень длинными печными трубами и, конечно, с жемчужиной этого места – великолепным замком, принадлежавшим семье легендарного волшебника Стефана, предстала передо мной во всей своей красе. Наверное, каждый волшебник, однажды услышав об этом чудесном месте, начинал мечтать о том, что ему посчастливится хотя бы раз в жизни побывать в этих краях. Но с тех пор, как началась борьба между волшебным и не волшебным, и все чаще приходилось задумываться, как лучше укрыться от внешнего мира, как стать более незаметными, сложнее стало перемещаться между поселениями, разбросанными в недоступных для людей местах. Песок для путешествий облагался налогами и жестко контролировался, в итоге перемещение стало чем-то практически недостижимым и очень затратным.

Моя семья несколько поколений занималась изучением и выращиванием целебных трав и растений. Огромный сад достался нам от прадеда, который первый начал собирать эту редчайшую коллекцию и превратил простое хобби в дело всей семьи. Моими игрушками с младенчества были садовые лопатки и цветочные горшки, фолианты внушительных размеров с описаниями диковинных растений, от которых меня ничто не могло оторвать. Как-то вернувшись домой из теплицы, на небольшом столике, где обычно лежала утренняя почта, я обнаружила конверт из дорогой плотной бумаги. В нем прислали объявление об очередном наборе в группу на трехлетнюю стажировку, проходящую в замке Крамблроу. Несколько лет назад я уже заполняла подобную анкету, но ответа не получила, отчего перестала питать надежды, что моя заветная мечта попасть туда осуществится. Возможно, поэтому сразу не обратила внимания, что на этот раз в конверт вложили пергамент с заданиями – двадцать вопросов, в той или иной степени относящихся к растениям, секретам их поиска и дальнейшему использованию в снадобьях. Вскользь пробежавшись по ним, с удивлением обнаружила, что на многие знаю точные ответы. И решила вновь попытать удачу.

И вот я стою здесь с небольшим чемоданчиком на колесах и с увесистой корзинкой еды, которую мне всучили предусмотрительные родители. Не скажу, что мы нуждались в деньгах и не могли ничего себе позволить. Дело семьи приносило достаточный заработок, но походы по кафе и пабам не приветствовались, вот и пришлось брать все съестное с собой. Я с надеждой пробежалась глазами по кованым вывескам местных заведений и увидела знаменитую таверну «Белый гусь», которая часто упоминалась в газетах. Ее легко было узнать по зажатой в железной руке тушке гуся, висевшего вниз головой. Ходили слухи, что однажды в нее ввалился бродячий волшебник, держащий в руках белого гуся, раздутого и заколдованного так, что он светил, словно фонарь. Изрядно выпив, волшебник ушел, а птицу бросил... Хозяин заведения выкинул птицу на улицу, а местные подняли и подвесили над входом. С тех пор все позабыли о первоначальном названии этого заведения, а просто говорили: «Пойдем, посидим у белого гуся». Хозяин долго противился, но, смирившись, изменил название и заменил тушку несчастного, на его железную копию.

Гусь приветственно крикнул, стоило мне пройти мимо таверны. Я улыбнулась и пошла дальше по главной улице деревни, пересекла небольшую площадь с ратушей и вышла на дорогу, которая круто поднималась по холму в сторону величественного замка.

Местные жители начинали просыпаться. Потихоньку открывались ставни таверн и торговых лавок. Одни шли на работу в замок, другие спешили к каменной арке, чтобы отправиться в другие поселения. Юные волшебники, крепко ухватившись за мамины руки, торопились в местную школу. Они приветствовали друг друга, улыбались и грызли разноцветные кренделя, которые выпускали в воздух облачка в виде тыкв, яблок или вишни в зависимости от наполняющих их начинок. Мне же предстояло три года посвятить обучению здесь и решить, чем я хочу заниматься в дальнейшем.

Единственное, что меня смущало, так это разница в возрасте. Я на три-четыре года старше тех учеников, которых обычно набирали в группу на стажировку, и мне хотелось верить, что это не станет проблемой. В конце концов, она не настолько велика, чтобы принимать ее во внимание... И пока от меня требовалось только прийти в замок в указанное время. На приглашении жирным шрифтом значилось: «Девять тридцать, главный вход Восточной башни».

На половине пути к замку стояло небольшое каменное сооружение – круглая башня с высокой острой крышей и небольшим окошком, из которого выглянул сварливого вида старик, до того древний, что его морщинистое лицо почти не отличалось по цвету от длинных седых волос, торчащих из-под шапки, формой напоминающей ночной колпак. Он постоянно нервно поправлял очки с огромными линзами, длинным заостренным ногтем водил по списку в журнале, внимательно всматривался в лица и делал пометки. Тем, кто ежедневно приходил на работу, достаточно было назвать свое имя и получить проходную галочку в списке, тем же, кому впервые улыбнулась удача оказаться в здешних местах, приходилось пройти процедуру Заклятого отпечатка. Я подошла к башне и услышала скрипучий сухой голос:

– Назовите ваше имя и цель визита!

– Мисс Кэтрин Гартнер, трехлетняя стажировка.

– Тьфу ты, кто-то новенький пожаловал! Носит кого ни попадя, как будто замок резиновый! Что же вам дома не сидится! – запричитал старик и, еле встав из-за стола, на некоторое время исчез в глубине комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.